

иллюстрированное издание

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

Поэты и стихи

Мировые шедевры

Антология
Виктория Горпинко
Серебряный век. Поэты и стихи
Серия «Мировые шедевры.
Иллюстрированное издание»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36980243
Серебряный век. Поэты и стихи: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-107927-7*

Аннотация

Серебряный век – никогда, ни до ни после, русская культура не достигала таких высот новаторства, такого разнообразия школ и направлений, такого масштаба литературного эксперимента.

Самая полная антология поэтов Серебряного века – символисты, акмеисты, футуристы, имажинисты... Их биографии и стихи.

Содержание

Серебряный век русской поэзии	9
Символизм	16
Дмитрий Мережковский	21
Часы	24
Голубое небо	24
«Кроткий вечер тихо угасает...»	25
«Дома и призраки людей – ...»	26
На даче	27
«О, мука вечной жажды...»	28
Возвращение	29
Зинаида Гиппиус	31
Надпись на книге	33
Бессилье	34
Божья тварь	35
Мережи	36
Всё кругом	38
Всё она	40
Веселье	43
Сейчас	45
А. Блоку	47
Осенью	48
Федор Сологуб	51
«Безочарованность и скуку...»	53

«На серой куче сора...»	54
«Порос травой мой узкий двор...»	55
«Жаркое солнце по небу плывет...»	57
«Вывески цветные...»	58
«Порой повеет запах странный, – ...»	59
«Все эти ваши слова...»	60
«Опять ночная тишина...»	61
«Стихия Александра Блока – ...»	62
Валерий Брюсов	64
«О, закрой свои бледные ноги...»	68
Творчество	68
Юному поэту	69
«Как царство белого снега...»	70
В прошлом	72
Женщине	75
«Три женщины – белая, черная, алая – ...»	77
Каменщик	78
«Я – междумирок. Равен первым...»	80
Будущее	82
Константин Бальмонт	84
Челн томленья	88
Родная картина	89
Ветер	92
Безглагольность	94
«Я – изысканность русской медлительной речи...»	95

Морская душа	97
Возглас боли	98
Дурной сон	99
В глухие дни	100
Только	101
Символизм	104
Андрей Белый	108
Меланхолия	111
Демон	113
Воспоминание	115
Воспоминание (Задумчивый вид...)	117
Из окна вагона	119
Отчаянье	121
Больница	123
Александр Блок	125
«Мы встречались с тобой на закате...»	128
«Я медленно сходил с ума...»	129
«Вхожу я в темные храмы...»	131
«Девушка пела в церковном хоре...»	133
Незнакомка	136
Когда вы стоите на моем пути...	138
«Я помню длительные муки...»	140
«О доблестях, о подвигах, о славе...»	141
Осенний день	143
«Весенний день прошел без дела...»	144
«Как тяжело ходить среди людей...»	145

В ресторане	145
На железной дороге	147
Ночь, улица, фонарь, аптека...	150
Анне Ахматовой	150
«О, я хочу безумно жить...»	151
«Я – Гамлет. Холодеет кровь...»	152
«Рожденные в года глухие...»	152
«На улице – дождик и слякоть...»	154
Эллис	157
В рай	160
Загадка	162
Тень	165
Предсуществование	166
Женщина с веером	169
Михаил Кузмин	172
«Меня влекут чудесные сказанья...»	174
«Если б я был древним полководцем...»	176
«Когда утром выхожу из дома...»	178
«В проходной сидеть на диване...»	179
На вечере	180
«О, быть покинутым – какое счастье...»	181
«Разве можно дышать, не дыша...»	182
«Разбукетилось небо к вечеру...»	183
Эпилог	184
«Утраченного чародейства...»	186
«Мне не горьки нужда и плен...»	188

Вячеслав Иванов	190
Анахронизм	192
Пригвожденные	194
Конец ознакомительного фрагмента.	196

Серебряный век.

Поэты и стихи

Составление, вступительная статья и комментарии Виктории Горпинко

© Виктория Горпинко, сост., вступ. ст. и коммент., 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Серебряный век русской поэзии

Виктория Горпинко

«Мы новые люди новой жизни», – провозгласили футуристы в 1913 году. Под этим лозунгом могли бы подписаться представители самых разных творческих групп и направлений, существовавших в России в конце XIX – начале XX века. Остро назревшая ревизия культурных ценностей, радикальное обновление всего арсенала художественных средств, пересмотр роли творца и места искусства в жизни – так российская культура отвечала на вызовы времени. Новая эпоха желала говорить на новом языке и ставила перед художником новые – зачастую небывалые – задачи.

Андрей Белый, характеризуя культурную жизнь на рубеже веков, отмечал одну черту, объединявшую всех, – «одинаковую решительность отрицания и отказа от прошлого, «нет», брошенное в лицо отцам». Это отрицание было адресовано, прежде всего, русскому просветительству, идеям позитивизма и «полезности искусства», которые десятилетиями доминировали в сознании образованной части общества. К концу XIX века русская интеллигенция, разочарованная в народничестве, в сугубо социальной, утилитарной направленности искусства и литературы, находилась в состоянии духовного кризиса.

В этих условиях, подхватив идеи европейского декадентства и, в первую очередь, символизма, русская культура бросала вызов мрачной атмосфере «конца века», преодолевая настроения разочарования и упадка. В недрах творческой интеллигенции рождалось новое культурное сознание – начинался процесс, который философ Николай Бердяев назвал «русским духовным ренессансом».

В своей философской автобиографии «Самопознание» он писал: «Сейчас с трудом представляют себе атмосферу того времени. Многие из творческого подъема того времени вошло в дальнейшее развитие русской культуры и сейчас есть достояние всех русских культурных людей. Но тогда было опьянение творческим подъемом, новизна, напряженность, борьба, вызов. В эти годы России было послано много даров. Это была эпоха пробуждения в России самостоятельной философской мысли, расцвета поэзии и обострения эстетической чувствительности, религиозного беспокойства и искания, интереса к мистике и оккультизму. Появились новые души, были открыты новые источники творческой жизни, видели новые зори, соединяли чувства заката и гибели с чувством восхода и с надеждой на преображение жизни».

Модернизация коснулась всех сфер искусства и литературы, философии и религиозной мысли, получив наиболее мощное и оригинальное развитие в поэтическом творчестве.

В лексикон русской литературной эмиграции выражение «серебряный век» вошло в начале 1930-х годов с легкой ру-

ки поэта и критика Николая Оцуа. «Запоздавшая в своем развитии Россия силой целого ряда исторических причин была вынуждена в короткий срок осуществить то, что в Европе делалось в течение нескольких столетий, – писал он в своей статье „Серебряный век русской поэзии“, посвященной истории модернизма в России. – Неподражаемый подъем „золотого века“ отчасти этим и объясним. Но и то, что мы называли „веком серебряным“, по силе и энергии, а также по обилию удивительных созданий, почти не имеет аналогии на Западе: это как бы стиснутые в три десятилетия явления, занявшие, например, во Франции весь девятнадцатый и начало двадцатого века». Отметим, что Серебряным веком русской поэзии русские критики, работавшие в эмиграции, называли этот период изначально в негативном ключе. Они противопоставляли золотой век русской литературы, охватывавший первую треть XIX века, эпигонскому «серебряному веку какого-нибудь модернизма», по выражению Владимира Пяста.

В советском литературоведении понятие «серебряного века» – уже не как оценочное словосочетание, а как термин – вошло в обиход в 1960-е годы, после знакомства читателей с печатавшейся отрывками «Поэмой без героя» Ахматовой. В первой части поэмы есть символические строки:

На Галерной чернела арка,
В Летнем тонко пела флюгарка,
И серебряный месяц ярко
Над серебряным веком стыл.

Идейно и исторически совпадая с эпохой модернизма, Серебряный век не имеет однозначных хронологических рамок. Начало новой эпохи традиционно соотносится с публикацией в 1893 году доклада Дмитрия Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы». Отмечая как неоспоримый факт «возмущение против удушающего мертвенного позитивизма», которое живет в душах его современников, писатель предощущает рождение нового искусства и перечисляет три его главных элемента: «мистическое содержание, символы и расширение художественной впечатлительности».

Что касается хронологического конца Серебряного века, то этот вопрос остается открытым. Ряд исследователей соотносит его с началом Первой мировой войны. Согласно другой точке зрения, все закончилось в 1921 году – со смертью Александра Блока и расстрелом Николая Гумилева. Существует также мнение, что итоговую черту под Серебряным веком подвело самоубийство Владимира Маяковского в 1930 году.

Первой на перемену культурного климата отреагировала европейски ориентированная часть российского общества. В середине 1880-х французский поэт Жан Мореас придумал слово «символизм», назвав так недавно возникшее и только оформляющееся литературное течение. Вскоре он опубликовал свой исторический «Манифест символизма». А уже в

1994 году Валерий Брюсов начинает издавать в России первые сборники символистской поэзии. Первоначально русский символизм, самый яркий и мощный после французского, объединил Дмитрия Мережковского, Зинаиду Гиппиус, Константина Бальмонта, Валерия Брюсова и других авторов, ставших первопроходцами в России. Впоследствии их назовут старшими символистами, отделяя от выдвинувшихся на авансцену в начале 1900-х годов младосимволистов – поэтов, формировавшихся под влиянием философа Владимира Соловьева: Александра Блока, Андрея Белого, Михаила Кузмина, Вячеслава Иванова.

В отличие от символизма, акмеизм был исключительно российским явлением. И зарождался он из противостояния символизму, который к концу первого десятилетия XX века уже исчерпал себя. Вокруг идеологов нового направления – Николая Гумилева и Сергея Городецкого – и созданного ими Цеха поэтов сгруппировались очень разные и самобытные авторы: Анна Ахматова, Осип Мандельштам, Георгий Иванов, Георгий Адамович и др.

Широко заявивший о себе одновременно с акмеизмом футуризм стал первым авангардным течением в русской литературе. Он подхватил эстафету у итальянских футуристов – буквально выхватил ее из рук Филиппо Маринетти, который обнародовал «Манифест футуризма» в 1909 году, – а уже в начале 1910-го в России вышел первый футуристический сборник. Инициированное художником и поэтом Дави-

дом Бурлюком течение не было однородным, расслоившись на несколько групп: будетляне и кубофутуристы, «Гилея» и «Центрифуга», эгофутуристы и «Мезонин поэзии». Одни и те же поэты в разное время примыкали к разным объединениям, а то и вовсе переходили в другой лагерь. В 1910-е годы футуристами именовали себя Велимир Хлебников, Владимир Маяковский, Борис Пастернак, Игорь Северянин, Алексей Крученых и еще десятки «ниспровергателей традиций».

Единственной поэтической группой, не имевшей общей идейной платформы, да и никогда не стремившейся к объединению, были так называемые «народные поэты» – Сергей Есенин, Николай Клюев, Сергей Клычков и ряд других. Новокрестьянскими их стали называть критики, отмечавшие общую для них ориентированность на устное народное творчество и идеи модернизма одновременно.

Выдыхающийся футуризм в конце 1910-х годов пустил новый побег – имажинизм, заявивший о себе созданием собственного «Ордена имажинистов» и выпуском программной Декларации. Это довольно живучее и высокоорганизованное направление объединило Анатолия Мариенгофа, Вадима Шершеневича, Сергея Есенина и других поэтов.

При всем разнообразии поэтических школ и эстетических платформ, многие литераторы выбирали собственный, ни на кого не похожий путь, вырабатывая свой поэтический язык в одиночку. Ни к одному из литературных течений нельзя отнести творчество Марины Цветаевой, Максимилиана Воло-

шина, Софии Парнок, Владислава Ходасевича, зрелого Бориса Пастернака.

Давая ретроспективную оценку этой блестящей эпохи, Николай Бердяев резюмировал: «Сейчас можно определенно сказать, что начало XX века ознаменовалось у нас ренессансом духовной культуры, ренессансом философским и литературно-эстетическим, обострением религиозной и мистической чувствительности. Никогда еще русская культура не достигала такой утонченности, как в то время».

А сегодня можно добавить: никогда и после этого русская культура не достигала таких высот новаторства, такого разнообразия школ и направлений, такого масштаба литературного эксперимента.

Символизм

Старшие символисты

Термин «символизм» принадлежит французскому поэту Жану Мореасу, которому пришлось стать не только практиком, но и теоретиком этого направления, отстаивая его самостоятельность и отделяя его от модернизма. В 1886 году он опубликовал исторический «Манифест символистов» – обозначив важную веху, с которой началась новая эпоха в европейской и, в частности, русской литературе.

«Символистская поэзия ищет способ облачить идею в чувственную форму, которая не была бы самодостаточной, – писал Мореас, – но при этом, служа выражению Идеи, сохраняла бы свою индивидуальность». Эта «чувственная форма», в которую облекается Идея, и есть не что иное, как символ.

Становление символизма во Франции связывают с именами Шарля Бодлера, Стефана Малларме, Артюра Рембо, Поля Верлена. Именно они «открыли новый мир» Валерию Брюсову – первому адепту нового течения в России и его первому страстному популяризатору. В 1893 году двадцатилетний Брюсов написал письмо Верлену, именуя себя основоположником этого нового для России поэтического течения. И тут же занялся изданием символистских сборников, в

которых в основном печатался сам, – уже примеряя на себя роль будущего вождя символизма.

Идеологом старших символистов (авторов, дебютировавших в 1890-е годы) выступил Дмитрий Мережковский. Он первым дал глубокий анализ удручающего состояния русской литературы, заведенной в тупик господствующим рационализмом, и назвал предпосылки победы новых литературных направлений. В 1892 году Мережковский прочитал доклад «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (опубликован в 1893 году). Окидывая скептическим взглядом современные «литературные руины», он видел спасение русской словесности в «мистическом содержании, языке символа и импрессионизме». Возродить литературу, писал он, «может лишь порыв к неведомому, запредельному, к святыням, которых нет».

Первому поколению русских символистов, действительно, эстетически был очень близок импрессионизм. Поначалу их так и называли – импрессионисты. Или декаденты. В своих произведениях они, как правило, были ориентированы на субъективные личные ощущения и мимолетные впечатления, замкнуты на своей внутренней жизни и далеки от обыденной реальности, одолеваемы мрачными предчувствиями и очарованы поэтикой смерти. Творчество для них – прежде всего интуитивное погружение в некие тайные смыслы, не поддающиеся рациональному выражению, и единственный способ передать эту тайну – задействовать символы.

«Русский символизм направил свои главные силы в область неведомого, – писал в 1913 году Николай Гумилев. – Попеременно он брался то с мистикой, то с теософией, то с оккультизмом. Некоторые его искания в этом направлении почти приближались к созданию мифа».

Вырабатывая новое художественное мировоззрение, символисты особое внимание уделяли музыке. В их творчестве она представляла как некая универсальная энергия, которая пронизывает фактуру произведения, его композицию и звуковую оболочку, наполняя его созвучиями и мелодическими перекличками.

Оставаясь, по сути, элитарным поэтическим направлением, русский символизм искал опору в творчестве поэтов XIX века, не чуждых идей «чистого искусства», – Афанасия Фета, Якова Полонского, Аполлона Майкова, Евгения Баратынского и Федора Тютчева, которого Вячеслав Иванов прямо называл основоположником символистского метода в русской поэзии.

Один из теоретиков символизма, Константин Бальмонт, разрабатывавший в своем творчестве медиумические, «стихийные» аспекты и искавший соответствующие новаторские средства выражения, в статье «Элементарные слова о символической поэзии» (1900) так формулирует ее главные отличительные черты: «Она говорит своим особым языком, и этот язык богат интонациями; подобно музыке и живописи, она возбуждает в душе сложное настроение, – более чем дру-

гой род поэзии, трогает наши слуховые и зрительные впечатления, заставляет читателя пройти обратный путь творчества: поэт, создавая свое символическое произведение, от абстрактного идет к конкретному, от идеи к образу, – тот, кто знакомится с его произведениями, восходит от картины к душе ее, от непосредственных образов, прекрасных в своем самостоятельном существовании, к скрытой в них духовной идеальности, придающей им двойную силу».

К числу старших символистов относят Валерия Брюсова, Дмитрия Мережковского, Зинаиду Гиппиус, Константина Бальмонта, Федора Сологуба, Николая Минского, Александра Добролюбова, Поликсену Соловьеву, Константина Фофанова, Ивана Коневского.

*Дом Мурузи (Санкт-Петербург, Литейный проспект,
24)*

Дмитрий Мережковский

Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865–1941) – русский писатель, поэт, драматург, переводчик, эссеист, литературный критик, религиозный философ, историк, общественный деятель.

Один из основателей русского символизма, свой второй поэтический сборник, программный для нового направления, он назвал «Символы. Песни и поэмы». А принципы зарождающегося символизма изложил в докладе «О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы» (1892), отделив их от эстетики декаданса и выделив «три главных элемента нового искусства: мистическое содержание, символы и расширение художественной впечатлительности».

Мережковский – основоположник русского историософского романа, разработчик религиозно-философского подхода к анализу литературных произведений, глубоко повлиявший на развитие будущего литературоведения. Признанный жанровый новатор и один из самых оригинальных мыслителей XX века. Его дебютный роман «Смерть богов. Юлиан Отступник» (из трилогии «Христос и Антихрист») вошел в историю как первый русский символистский исторический роман. Начиная с 1914 года, он десять раз номинировался на Нобелевскую премию по литературе.

Мережковский выступил инициатором проведения Религиозно-философских собраний, вызванных необходимостью обновления христианства и призванных оживить религиозную мысль в России. Философ Николай Бердяев называл их «оазисом свободы совести в уголке Петербурга» и считал, что «всё движение русской религиозной мысли так или иначе вышло из этих собраний».

Влияние творчества и идей Мережковского испытали на себе поэты Александр Блок, Андрей Белый, Валерий Брюсов, философы Николай Бердяев, Александр Мейер, Федор Степун, основатель психоанализа Зигмунд Фрейд. Томас Манн называл Мережковского «гениальнейшим критиком и мировым психологом после Ницше».

До революции Мережковский был одним из самых издаваемых писателей в России. Категорически не приняв власть большевиков, в декабре 1919 года он тайком покинул Петроград (в выезде было отказано) и с 1920 года жил во Франции. Скончался от кровоизлияния в мозг 7 декабря 1941 года. До последнего дня рядом с ним находилась его жена, поэтесса и писательница Зинаида Гиппиус, с которой они прожили, почти не разлучаясь, сорок два года, создав самый известный творческий тандем в русской культуре начала века.

Дмитрий Мережковский

Часы

Не наслаждение, не мука,
Не вдохновение страстей,
Удел живых – тупая скука,
Пустое бремя лишних дней.
Я не ропщу и не страдаю,
Я к одиночеству привык:
Часы, часы, я понимаю
Ваш утомительный язык.
На жизнь смотрю я хладнокровно,
Где нет друзей и нет врагов.
И бьется сердце ровно, ровно,
Как сердце мертвое часов.

31 августа 1895

Голубое небо

Я людям чужд и мало верю
Я добродетели земной:
Иною мерой жизнь я мерю,
Иной, бесцельной красотой.

Я верю только в голубую

Недосягаемую твердь.
Всегда единую, простую
И непонятную, как смерть.

О, небо, дай мне быть прекрасным,
К земле сходящим с высоты,
И лучезарным, и бесстрастным,
И всеобъемлющим, как ты.

1905

«Кроткий вечер тихо угасает...»

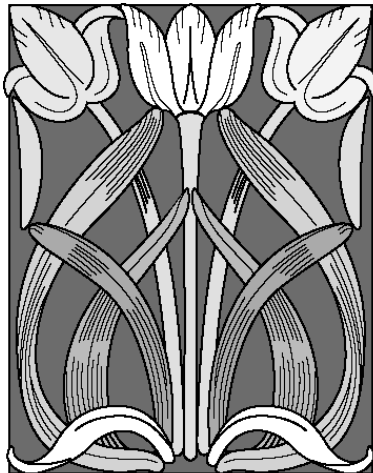
Кроткий вечер тихо угасает
И пред смертью ласкою немой
На одно мгновенье примиряет
Небеса с измученной землей.

В просветленной, трогательной дали,
Что неясна, как мечты мои, —
Не печаль, а только след печали,
Не любовь, а только след любви.

И порой в безжизненном молчаньи,
Как из гроба, веет с высоты

Мне в лицо холодное дыханье
Безграничной, мертвой пустоты...

26 августа 1887

«Дома и призраки людей – ...»

Дома и призраки людей —
Всё в дымку ровную сливалось,
И даже пламя фонарей
В тумане мертвом задышалось.
И мимо каменных громад
Куда-то люди торопливо,
Как тени бледные, скользят,

И сам иду я молчаливо,
Куда – не знаю, как во сне,
Иду, иду, и мнится мне,
Что вот сейчас я, утомленный,
Умру, как пламя фонарей,
Как бледный призрак, порожденный
Туманом северных ночей.

1889

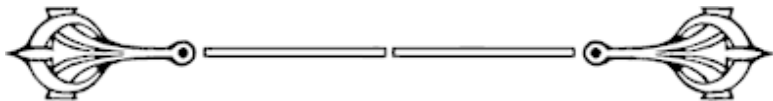
На даче

Шумит июльский дождь из тучи грозовой
И сеткой радужной на ярком солнце блещет,
И дачницы бегут испуганной толпой,
И летних зонтиков пурпурный шелк трепещет
Над нивой золотой...
А там, меж бледных ив с дрожащими листьями,
Виднеется кумач узорного платка, —
То бабы весело с разутыми ногами
Теснятся на плоту; и звучного валька
Удары по белью над ясными волнами
Разносит далеко пустынная река...

1887

«О, мука вечной жажды...»

О, мука вечной жажды!
О, тщетная любовь!
Кто полюбил однажды,
Тот не полюбит вновь.
Смирению учат годы:
Как все, терпи, живи;
Нет любящим свободы,
Свободным нет любви.
Узла ты не развяжешь,
Не сможешь ты уйти
И никогда не скажешь:
«Я не люблю, – прости».
Но жизни злая сила
Навек меня с тобой,
Как смерть, разъединила
Последнею чертой.
Мы любим и не любим,
Живем и не живем;
Друг друга не погубим,
Друг друга не спасем.
И, как о милой тени,
Хотел бы я рыдать,
Обняв твои колени, —
И ничего не ждать.

Возвращение

Глядим, глядим всё в ту же сторону,
За мшистый дол, за топкий лес.
Вослед прокаркавшему ворону,
На край темнеющих небес.
Давно ли ты, громада косная,
В освобождающей войне,
Как Божья туча громоносная,
Вставала в буре и в огне?
О, Русь! И вот опять закована,
И безглагольна, и пуста,
Какой ты чарой зачарована,
Каким проклятьем проклята?
И всё ж тоска неодолимая
К тебе влечет: прими, прости.
Не ты ль одна у нас родимая?
Нам больше некуда идти,
Так, во грехе тобой зачатые,
Должны с тобою погибать
Мы, дети, матерью проклятые

И проклинающие мать.

1909, Веймар

Зинаида Гиппиус

Зинаида Николаевна Гиппиус (1869–1945) – русская поэтесса, прозаик, литературный критик, драматург, идеолог русского символизма. Одна из самых харизматичных фигур Серебряного века, создавшая со своим супругом, писателем и философом Дмитрием Мережковским, уникальный творческий и идейный союз, продлившийся 42 года.

В начале 1890-х дебютировала в печати со стихами (которые писала с 11 лет) и рассказами, сочиняла романы, отличавшиеся декадентской претенциозностью. Ее первое «Собрание стихов. 1889–1903» стало громким литературным событием. Иннокентий Анненский в рецензии на книгу отмечал, что в творчестве Гиппиус отразилась «вся пятнадцатилетняя история лирического модернизма».

Квартира Мережковских в доме Мурузи долгие годы была важнейшим центром литературной и общественной жизни Петербурга. По словам завсегдатая салона Андрея Белого, здесь «воистину творили культуру. Все здесь когда-то учились». Как хозяйка салона Гиппиус пользовалась всеобщим авторитетом, хотя ее экстравагантные выходки и эксперименты многих шокировали.

Она выступила инициатором создания литературно-религиозного журнала «Новый путь», печатавшего, в том числе, материалы Религиозно-философских собраний. Много ра-

ботала как публицист, писала не только о литературе и религиозных исканиях, но и на социально-политические темы. Ее статьи отличались проницательностью и резкостью суждений, часто довольно субъективных.

Октябрьскую революцию Мережковские восприняли как «царство Антихриста» и в декабре 1919 года тайком покинули Россию. С конца 1920 года жили в Париже. Важными свидетельствами о том тревожном времени остаются дневники, которые Гиппиус вела на протяжении многих лет: «Синяя книга», «Черная книжка» и «Серый блокнот», охватывавшие период с начала Первой мировой войны и до бегства из «Совдепии». Собратьям по перу Гиппиус посвятила сборник очерков-воспоминаний «Живые лица» (1925), который, по мнению Ходасевича, может послужить важным источником для понимания литературной эпохи.

В Париже по инициативе Гиппиус было создано общество «Зеленая лампа» (1927–1939), объединявшее литературную эмиграцию. С годами, в том числе и по причине «тяжелого холода в душе», воцарившегося после отъезда из России, она пишет все меньше. После смерти Дмитрия Мережковского в 1941 году целиком погружается в работу над его биографией. Книга осталась незаконченной – Зинаида Гиппиус ушла из жизни в сентябре 1945 года.

Зинаида Гиппиус

Надпись на книге

Мне мило отвлеченное:
Им жизнь я создаю...
Я всё уединенное,
Неявное люблю.

Я – раб моих таинственных,
Необычайных снов...
Но для речей единственных
Не знаю здешних слов...

1896

Бессилье

Смотрю на море жадными очами,
К земле прикованный, на берегу...
Стою над пропастью – над небесами, —
И улететь к лазури не могу.

Не ведаю, восстать иль покориться,
Нет смелости ни умереть, ни жить...
Мне близок Бог – но не могу молиться,
Хочу любви – и не могу любить.

Я к солнцу, к солнцу руки простираю

И вижу полог бледных облаков...
Мне кажется, что истину я знаю —
И только для нее не знаю слов.

1894

Божья тварь

За Дьявола Тебя молю,
Господь! И он – Твое созданье.
Я Дьявола за то люблю,
Что вижу в нем – мое страданье.

Борясь и мучаясь, он сеть
Свою заботливо сплетает...
И не могу я не жалеть
Того, кто, как и я, – страдает.

Когда восстанет наша плоть
В Твоем суде, для воздаянья,
О, отпусти ему, Господь,
Его безумство – за страданье.

1902

Мережи

Мы долго думали, что сети
Сплетает Дьявол с простотой,
Чтоб нас поймать, как ловят дети

В силки беспечных птиц, весной.

Но нет. Опутывать сетями —
Ему не нужно никого.
Он тянет сети – между нами,
В весельи сердца своего.

Сквозь эту мглу, сквозь эту сетку,
Друг друга видим мы едва.
Чуть слышен голос через клетку,
Обезображены слова.

Шалун во образе змеином
Пути друг к другу нам пресек.
И в одиночестве зверином
Живет отныне человек.

1902

Всё кругом

Страшное, грубое, липкое, грязное,
Жестко тупое, всегда безобразное,
Медленно рвущее, мелко нечестное,
Скользкое, стыдное, низкое, тесное,

Явно довольное, тайно блудливое,
Плоско смешное и тошно трусливое,
Вязко, болотно и тинно застойное,
Рабское, хамское, гнойное, черное.
Изредка серое, в сером упорное,
Вечно лежащее, дьявольски косное,
Глупое, сохлое, сонное, злостное,
Трупно-холодное, жалко-ничтожное,
Непереносное, ложное, ложное!
Но жалоб не надо; что радости в плаче?
Мы знаем, мы знаем: всё будет иначе.

1904

Всё она

Медный грохот, дымный порошок,
Рыжелипкие струи,
Тел ползущих влажный шорох...
Где чужие? Где свои?

Нет напрасных ожиданий,
Недостигнутых побед,
Но и сбывшихся мечтаний,
Одолений – тоже нет.

Все едины, всё едино,
Мы ль, они ли... смерть – одна.
И работает машина,
И жуёт, жуёт война...

1914

Веселье

Блевотина войны – октябрьское веселье!
От этого зловонного вина
Как было омерзительно твое похмелье,
О бедная, о грешная страна!

Какому дьяволу, какому псу в угоду,
Каким кошмарным обуянный сном,
Народ, безумствуя, убил свою свободу,
И даже не убил – засек кнутом?

Смеются дьяволы и псы над рабьей свалкой.
Смеются пушки, разевая рты...
И скоро в старый хлев ты будешь загнан палкой,
Народ, не уважающий святынь.

29 октября 1917

Сейчас

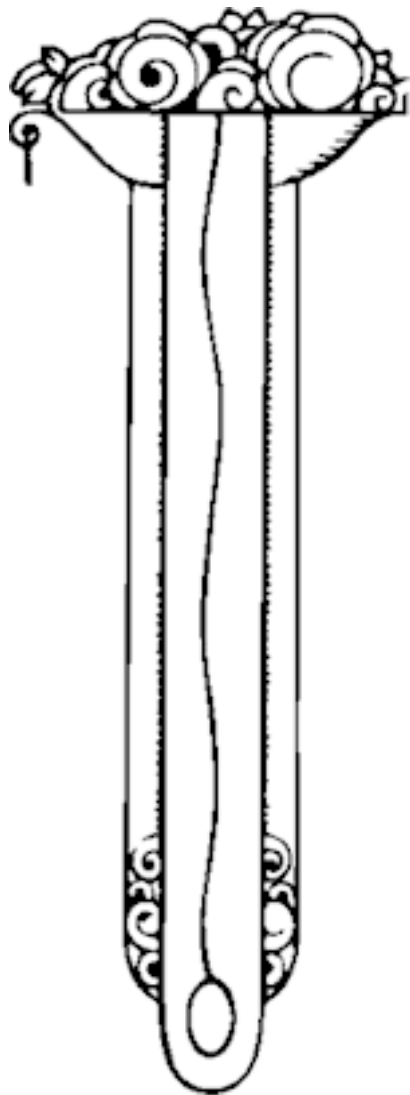
Как скользки улицы отвратные,
Какая стыдь!
Как в эти дни невероятные
Позорно – жить!

Лежим, заплеваны и связаны
По всем углам.
Плевки матросские размазаны
У нас по лбам.

Столпы, радетели, водители
Давно в бегах.
И только вьются согласители
В своих Це-ках.

Мы стали псами подзаборными,
Не уползти!
Уж разобрал руками черными
Викжель – пути...

9 ноября 1917

А. Блоку

Дитя, потерянное всеми...

Всё это было, кажется в последний,
В последний вечер, в вешний час...
И плакала безумная в передней,
О чем-то умоляя нас.

Потом сидели мы под лампой блеклой,
Что золотила тонкий дым,
А поздние распахнутые стекла
Отсвечивали голубым.

Ты, выйдя, задержался у решетки,
Я говорил с тобою из окна.
И ветви юные чертились четко
На небе – зеленой вина.

Прямая улица была пустынна,
И ты ушел – в нее, туда...

Я не прощу. Душа твоя невинна.

Я не прощу ей – никогда.

Апрель 1918, Санкт-Петербург

Осенью

(сгон на революцию)

На баррикады! На баррикады!
Сгоняй из дальних, из ближних мест...
Замкни облавкой, сгруди, как стадо,

Кто удирает – тому арест.
Строжайший отдан приказ народу,
Такой, чтоб пикнуть никто не смел.
Все за лопаты! Все за свободу!
А кто упрется – тому расстрел.
И все: старуха, дитя, рабочий —
Чтоб пели Интер-национал.
Чтоб пели, роя, а кто не хочет
И роет молча – того в канал!
Нет революции краснее нашей:
На фронт – иль к стенке, одно из двух.
...Поддай им сзад! Клади им взашей,
Вгоняй поленом мятежный дух!

На баррикады! На баррикады!
Вперед за «Правду», за вольный труд!
Колом, веревкой, в штыки, в приклады...
Не понимают? Небось, поймут!

25 октября 1919, Санкт-Петербург

Федор Сологуб

Федор Сологуб, настоящее имя *Федор Кузьмич Тетерников* (1863–1927) – русский поэт и писатель, переводчик, критик, публицист, драматург.

Он дебютировал в 1890-е годы в журнале «Северный вестник», печатавшем его стихи, рассказы, рецензии и роман. На рубеже веков в его творчестве произошел перелом – от декадентства к символизму. Литературный кружок, собиравшийся в квартире Сологуба на Васильевском острове становится центром литературной жизни Петербурга, привлекая ведущих писателей и поэтов.

Сологуб разрабатывал собственный жанр «сказочек» – коротких, с затейливым сюжетом политизированных историй для взрослых, часто в форме стихотворений в прозе. Широкую известность принес ему роман «Мелкий бес», выдержавший 10 прижизненных изданий.

Своеобразное творчество Сологуба отличалось слиянием разных планов бытия – грубо материального, низкого, нередко с эротическим оттенком, и символического, одухотворенного. Как отмечала Зинаида Гиппиус, он был «всегда немножко волшебник и колдун. Ведь и в романах у него, и в рассказах, и в стихах – одна черта отличающая: тесное сплетение реального, обыденного с волшебным».

Федор Сологуб

Наряду с исключительным богатством ритмов (Андрей Белый считал, что «подлинным ритмическим дыханием» обладают только Блок и Сологуб), для его поэзии была характерна очарованность смертью. «И только в стихах своих был он прежним, одиноким, усталым, боялся жизни, «бабищи румяной и дебели» и любил ту, чье имя писал с большой буквы, – Смерть», – вспоминала Тэффи.

После революции Сологуб пытался эмигрировать, но из-за постоянных отказов в визе и бюрократической волокиты его жена, Анастасия Чеботаревская, покончила с собой. Сологуб с головой окунулся в работу, однако его новые произведения больше не печатались. Тем не менее он вошел в Петроградское правление Всероссийского союза писателей, в 1924 году возглавил его, хотя советскую власть категорически не принимал и даже сочинял антисоветские басни. Умер в декабре 1927 года в возрасте 64 лет.

«Безочарованность и скуку...»

Безочарованность и скуку
Давно взрастив в моей душе,
Мне жизнь приносит злую муку
В своем заржавленном ковше.

7 июня 1891

«На серой куче сора...»

На серой куче сора,
У пыльного забора,
На улице глухой
Цветет в исходе мая,
Красою не прельщая,
Угрюмый зверобой.

В скитаниях ненужных,
В страданиях недужных,
На скудной почве зол,
Вне светлых впечатлений
Безрадостный мой гений
Томительно расцвел.

26 мая 1895

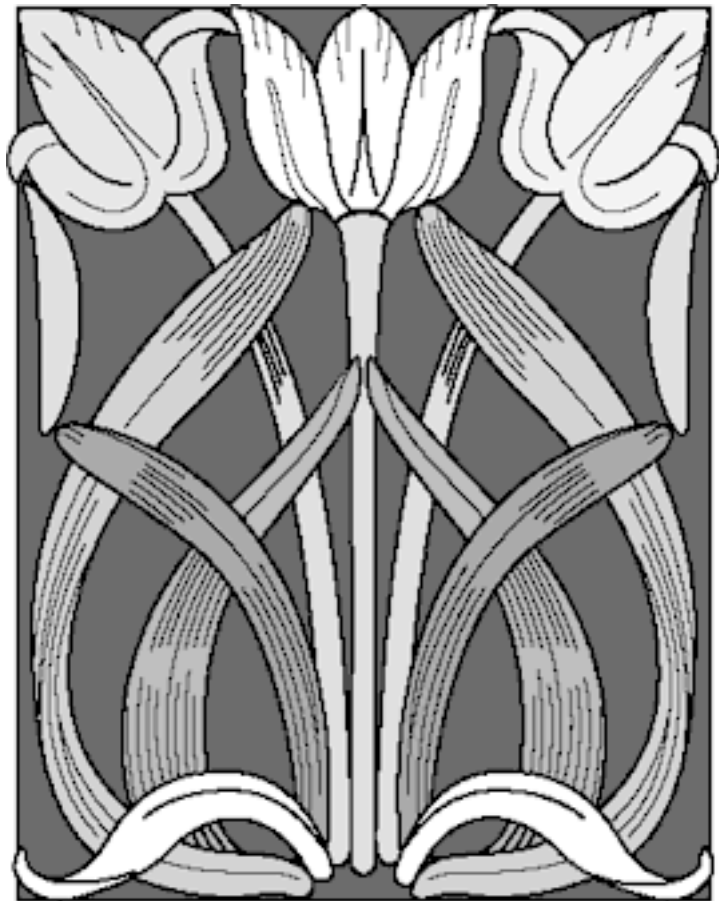

«Порос травой мой узкий двор...»

Порос травой мой узкий двор.
В траве лежат каменья, бревна.
Зияет щелями забор,
Из досок сложенный неровно.

Из растворенного окна,
Когда сижу один, лениво,
Под тем забором мне видна
Полынь да жгучая крапива.
И ветер, набежав порой,
Крапиву треплет и качает,
Играет ею, вот как мной
Судьба капризная играет.
И я, как та крапива, жгусь,
Когда меня случайно тронут.
И я, как та крапива, гнусь,
Когда порывы ветра стонут.

9–13 мая 1889

«Жаркое солнце по небу плывет...»

Жаркое солнце по небу плывет.
Ночи земля утомленная ждет.

В теле – истома, в душе – пустота,
Воля почилa, и дремлет мечта.

Где моя гордость, где сила моя?
К низшим склоняюсь кругам бытия.

Силе таинственной дух мой предав,
Жизнью, подобной томлению трав,

Тихо живу, и неведомо мне,
Что созревает в моей глубине.

9 октября 1897

«Вывески цветные...»

Вывески цветные,
Буквы золотые,
Солнцем залитые,
Магазинов ряд
С бойкою продажей,

Грохот экипажей, —
Город солнцу рад.

Но в толпе шумливой,
Гордой и счастливой,
Вижу я стыдливой,
Робкой нищеты
Скорбные приметы:
Грубые предметы,
Темные черты.

18 марта 1896

«Порой повеет запах странный, – ...»

Порой повеет запах странный, —
Его причины не понять, —
Давно померкший, день туманный
Переживается опять.

Как встарь, опять печально всходишь
На обветшалое крыльцо,
Засов скрипучий вновь отводишь,
Вращая ржавое кольцо, —

И видишь тесные покои,
Где половицы чуть скрипят,
Где отсырелые обои
В углах тихонько шелестят,

Где скучный маятник маячит,
Внимая скучным, злым речам,
Где кто-то молится да плачет,
Так долго плачет по ночам.

5 октября 1898 – 10 февраля 1900

«Все эти ваши слова...»

Все эти ваши слова
Мне уж давно надоели.
Только б небес синева,
Шумные волны да ели,
Только бы льнула к ногам
Пена волны одичалой,
Сладко шепча берегам
Сказки любви небывалой.

2 июля 1909

«Опять ночная тишина...»

Опять ночная тишина
Лежит в равнине омертвелой.
Обыкновенная луна
Глядит на снег, довольно белый.

Опять непраздничен и синь
Простор небесного молчанья,
И в глубине ночных пустынь
Всё те же звездные мерцанья.

И я, как прежде, жалкий раб,
Как из моих собратьев каждый,
Всё так же бледен, тих и слаб,
Всё тою же томлюсь я жаждой.

Мечтать о дивных чудесах
Хочу, как встарь, — и не мечтаю,
И в равнодушных небесах
Пророчеств новых не читаю.

И если по ночным снегам,

Звения бубенчиками бойко,
Летит знакомая всем нам
По множеству романсов тройка,

То как не улыбнуться мне
Ее навязчивому бреду!
Не сяду в сани при луне
И никуда я не поеду.

27 декабря 1910, Мустамяки

«Стихия Александра Блока – ...»

Стихия Александра Блока —
Метель, взвивающая снег.
Как жуток зыбкий санный бег
В стихии Александра Блока.
Несемся – близко иль далёко? —
Во власти цепенящих нег.
Стихия Александра Блока —
Метель, взвивающая снег.

28 декабря 1913, Петербург

Валерий Брюсов

Валерий Яковлевич Брюсов (1873–1924) – русский поэт, один из основоположников символизма, прозаик, переводчик, литературный критик, драматург, историк.

Писал стихи с 8 лет, в 13 уже был уверен, что станет поэтом. Переворот в его понимании поэзии совершили французские символисты. Юный Брюсов публикует ряд статей о них и издает первые символистские сборники в России – «Русские символисты». Один из них включал и самое знаменитое декадентское одностишие «О, закрой свои бледные ноги», объект многочисленных пародий и насмешек.

Дебютную книгу стихов Брюсов назвал «Chefs d'oeuvre» («Шедевры»), уведомив, что завещает ее «вечности и искусству». Он разрабатывал теорию символизма, руководил ведущим символистским издательством «Скорпион». От историко-мифологических образов в творчестве перешел к идеям урбанизма – фактически стал первым урбанистом в русской поэзии, воспевая городской пейзаж, как свой «отчий дом».

Творчество Брюсова отличало невероятное стилистическое разнообразие, эрудированность, даже энциклопедизм, и тяга к экспериментам. Это далеко не всеми приветствовалось – упреки в холодном экспериментаторстве и бездушии звучали регулярно. С выходом в 1904 году сборника «Urbi et

Orbi» («Граду и миру»), в котором нарастают гражданские мотивы, наряду с темами самообожания и эротомании, Брюсов стал признанным вождем русского символизма, настоящим литературным мэтром.

Периоды подражания Брюсову, который развивал разнообразные формы стихосложения и неточные рифмы, разрабатывал тонический стих и фигурную поэзию, переживали многие поэты, включая младосимволистов – Александра Блока, Андрея Белого, Сергея Соловьева. Его огромный авторитет распространялся и на адептов других течений – акмеизма и футуризма. Возглавляемый им журнал «Весы» был самым представительным и авторитетным модернистским изданием. Стоя во главе Московского литературно-художественного кружка, он повлиял на становление целого поколения литераторов.

После революции, пытаясь идти в ногу со временем, Брюсов радикально обновил свою поэтику, нагрузив ее неологизмами (критики называли этот период академическим авангардизмом). Однако «народные массы» к его творчеству остались равнодушны. В 1920-е годы основную энергию Брюсов направил на служебные обязанности – занимал директорские должности при Книжной палате, Наркомпросе, Глапрофобре, возглавлял Всероссийский союз поэтов, стал профессором МГУ, создал Высший литературно-художественный институт – предшественник Литературного института имени Горького.

В 1923 году ему было присвоено почетное звание народного поэта Армении – за огромную работу по популяризации армянской культуры. Он выполнил множество переводов с армянского (большинство произведений переводилось впервые), подготовил несколько сборников и уникальный в своем роде труд «Летопись исторических судеб армянского народа».

Валерий Брюсов ушел из жизни в октябре 1924 года вскоре после празднования 50-летнего юбилея.

Валерий Брюсов

«О, закрой свои бледные ноги...»

О, закрой свои бледные ноги

3 декабря 1894

Творчество

Тень несозданных созданий
Колыхается во сне,
Словно лопасти латаний
На эмалевой стене.

Фиолетовые руки
На эмалевой стене
Полусонно чертят звуки
В звонко-звучной тишине.

И прозрачные киоски,
В звонко-звучной тишине,
Вырастают, словно блестки,
При лазоревой луне.

Всходит месяц обнаженный
При лазоревой луне...
Звуки реют полусонно,
Звуки ластятся ко мне.

Тайны созданных созданий
С лаской ластятся ко мне,
И трепещет тень латаний
На эмалевой стене.

1 марта 1895

Юному поэту

Юноша бледный со взором горящим,
Ныне даю я тебе три завета:
Первый прими: не живи настоящим,
Только грядущее – область поэта.
Помни второй: никому не сочувствуй,
Сам же себя полюби беспредельно.
Третий храни: поклоняйся искусству,
Только ему, безраздумно, бесцельно.
Юноша бледный со взором смущенным!
Если ты примешь моих три завета,
Молча паду я бойцом побежденным,

Зная, что в мире оставлю поэта.

15 июля 1896

«Как царство белого снега...»

Как царство белого снега,

Моя душа холодна.
Какая странная нега
В мире холодного сна!

Как царство белого снега,
Моя душа холодна.
Проходят бледные тени,
Подобны чарам волхва,

Звучат и клятвы, и пени,
Любви и победы слова...
Проходят бледные тени,
Подобные чарам волхва.

А я всегда, неизменно,
Молюсь неземной красоте;
Я чужд тревогам вселенной,
Отдавшись холодной мечте.
Отдавшись мечте – неизменно
Я молюсь неземной красоте.

23 марта 1896

В прошлом

Ты не ведала слов отречения.
Опустивши задумчивый взор,
Точно в церковь ты шла на мученья,
Обнаженной забыла позор.

Вся полна неизменной печали,
Прислонилась ты молча к столбу, —
И соломой тебя увенчали,
И клеймо наложили на лбу.

А потом, когда смели бичами
Это детское тело терзать,
Вся в крови поднята палачами,
«Я люблю» ты хотела сказать.

3 ноября 1894

Женщине

Ты – женщина, ты – книга между книг,
Ты – свернутый, запечатленный свиток;
В его строках и дум и слов избыток,
В его листах безумен каждый миг.

Ты – женщина, ты – ведьмовский напиток!
Он жжет огнем, едва в уста проник;
Но пьющий пламя подавляет крик
И славословит бешено средь пыток.

Ты – женщина, и этим ты права.
От века убрана короной звездной,
Ты – в наших безднах образ божества!

Мы для тебя влечем ярем железный,
Тебе мы служим, тверди гор дробя,
И молимся – от века – на тебя!

11 августа 1899

«Три женщины – белая, черная, алая – ...»

Три женщины – белая, черная, алая —
Стоят в моей жизни. Зачем и когда
Вы вторглись в мечту мою? Разве немало я
Любовь восславлял в молодые года?

Сгибается алая хищной пантерой
И смотрит обманчивой чарой зрачков,
Но в силу заклятий, знакомых мне, верую:
За мной побежит на свирельный мой зов.

Проходит в надменном величии черная
И требует знаком – идти за собой.
А, строгая тень! уклоняйся, упорная,
Но мне суждено для тебя быть судьбой.

Но клонится с тихой покорностью белая,
Глаза ее – грусть, безнадежность – уста.
И странно застыла душа онемелая,
С душой онемелой безвольно слита.

Три женщины – белая, черная, алая —
Стоят в моей жизни. И кто-то поет,
Что нет, не довольно я плакал, что мало я
Любовь воспевал! Дни и миги – вперед!

1912

Каменщик

– Каменщик, каменщик в фартуке белом,
Что ты там строишь? кому?

– Эй, не мешай нам, мы заняты делом,
Строим мы, строим тюрьму.

– Каменщик, каменщик с верной лопатой,
Кто же в ней будет рыдать?

– Верно, не ты и не твой брат, богатый.
Незачем вам воровать.

– Каменщик, каменщик, долгие ночи
Кто ж проведет в ней без сна?

– Может быть, сын мой, такой же рабочий.
Тем наша доля полна.

– Каменщик, каменщик, вспомнит, пожалуй,
Тех он, кто нес кирпичи!

– Эй, берегись! под лесами не балуй...

Знаем всё сами, молчи!

16 июля 1901

«Я – междумирок. Равен первым...»

Я – междумирок. Равен первым,
Я на собраньи знати – пэр,
И каждым вздохом, каждым нервом
Я вторю высшим духам сфер.

Сумел мечтами подсмотреть я
Те чувства, что взойти должны,
Как пышный сев, спустя столетья, —
Но ныне редким суждены!

Но создан я из темной глины,
На мне ее тяжелый гнет.
Пусть я достиг земной вершины —
Мой корень из низин растет.

Мне Гете – близкий, друг – Вергилий,
Верхарну я дарю любовь...
Но ввысь всходил не без усилий
Тот, в жилах чьих мужичья кровь.

Я – твой, Россия, твой по роду!
Мой предок вел соху в полях.
Люблю твой мир, твою природу,
Твоих творящих сил размах!

Поля, где с краю и до краю
Шел «в рабском виде» царь небес,
Любя, дрожа, благословляю:
Здесь я родился, здесь воскрес!

И там, где нивы спелой рожью
Труду поют хвалу свою,
Я в пахаре, с любовной дрожью,
Безвестный, брата узнаю!

18 июля 1911, 1918

Будущее

Будущее!

Интереснейший из романов!

Книга, что мне не дано прочесть!

Край, прикрытый прослойкой туманов!

Храм, чья постройка едва начата!

1922

Константин Бальмонт

Константин Дмитриевич Бальмонт (1867–1942) – русский поэт, теоретик символизма, переводчик, мемуарист, эссеист, критик. Выпустил 35 поэтических сборников, 20 книг прозы, автор филологических трактатов и переводов поэзии с 10 языков.

Первый «Сборник стихотворений» (1890) Бальмонт издал за свой счет, но сжег весь тираж – близкие его увлечения поэзией не разделяли. Он зарабатывал переводами, усиленно занимался самообразованием, изучал языки. Лучшие книги Бальмонта выходили в символистском издательстве «Скорпион». Во время путешествия по Европе он принял приглашение прочесть курс лекций о русской поэзии в Оксфордском университете. С лекциями Бальмонт будет выступать в Европе еще неоднократно.

Всероссийскую известность принес поэту сборник «Горящие здания» (1900), а закрепила славу книга «Будем как солнце» (1902), превратив его в ведущую фигуру в лагере символистов. «В течение десятилетия Бальмонт нераздельно царил над русской поэзией, – писал позднее Валерий Брюсов. – Другие поэты или покорно следовали за ним, или, с большими усилиями, отстаивали свою самостоятельность от его подавляющего влияния».

Бальмонт превратился в объект страстного поклонения

и подражания. Создавались кружки бальмонистов, восторженные поклонницы не давали ему прохода. Появился термин «школа Бальмонта». Поэта воспринимали как новатора, который расширяет изобразительность языка, через эпатаж, мелодические повторы и собственную систему красочных эпитетов открывает новые возможности стиха.

«Все они перенимают у Бальмонта и внешность: блистательную отделку стиха, щеголяние рифмами, созвучаниями, – и самую сущность его поэзии», – писал Брюсов о многочисленных подражателях поэта, творчество которого звучало резким контрастом «анемичной журнальной поэзии» конца XIX века и отражало одну из первых поэтических попыток исследовать темный мир бессознательного.

Участвуя в свое время в студенческих беспорядках, Бальмонт горячо откликнулся на революционные события 1905 года, сблизился с Максимом Горьким, печатался в социал-демократической прессе. С 1906-го, опасаясь преследований, жил за границей, вернулся на родину в 1913 году. Неоднократно ездил по России с лекциями и чтением стихов.

Октябрьскую революцию он не принял, на компромиссы с новой властью не шел. В 1920 году, спасаясь от нищеты, выехал с семьей во Францию. Очень много работал, заглушая тоску по России, судьба которой его ужасала. В 1923 году был номинирован на Нобелевскую премию. Объехал с лекционными турами Европу, начал писать автобиографи-

ческую прозу.

В 1930-е годы, дойдя до состояния крайней бедности, Бальмонт заболел психически. Много времени проводил в клинике. Скончался в приюте «Русский дом» в декабре 1942 года.

Константин Бальмонт

Челн томленья

Вечер. Взморье. Вздохи ветра.
Величавый возглас волн.
Близко буря. В берег бьется
Чуждый чарам черный челн.

Чуждый чистым чарам счастья,
Челн томленья, челн тревог,
Бросил берег, бьется с бурей,
Ищет светлых снов чертог.

Мчится взморьем, мчится морем,
Отдаваясь воле волн.
Месяц матовый взирает,
Месяц горькой грусти полн.

Умер вечер. Ночь чернеет.
Ропщет море. Мрак растет.
Челн томленья тьмой охвачен.
Буря воем в бездне вод.

Родная картина

Стаи птиц. Дороги лента.
Повалившийся плетень.
С отуманенного неба

Грустно смотрит тусклый день,

Ряд берез, и вид унылый
Придорожного столба.
Как под гнетом тяжелой скорби,
Покачнулася изба.

Полусвет и полусумрак, —
И невольно рвешься вдаль,
И невольно давит душу
Бесконечная печаль.

1894

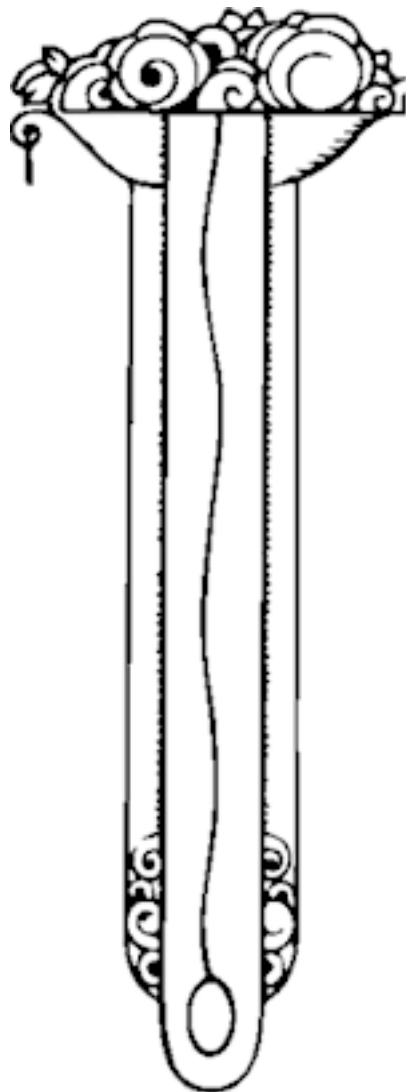
Ветер

Я жить не могу настоящим,
Я люблю беспокойные сны,
Под солнечным блеском палящим
И под влажным мерцаньем луны.

Я жить не хочу настоящим,
Я внимаю намекам струны,
Цветам и деревьям шумящим
И легендам приморской волны.

Желаньем томясь несказанным,
Я в неясном грядущем живу,
Вздыхаю в рассвете туманном
И с вечернею тучкой плыву.

И часто в восторге нежданном
Поцелуем тревожу листву.
Я в бегстве живу неустанном,
В ненасытной тревоге живу.

Безглагольность

Есть в русской природе усталая нежность,
Безмолвная боль затаенной печали,
Безвыходность горя, безгласность, безбрежность,
Холодная высь, уходящие дали.

Приди на рассвете на склон косогора, —
Над зябкой рекою дымится прохлада,
Чернеет громада застывшего бора,
И сердцу так больно, и сердце не радо.

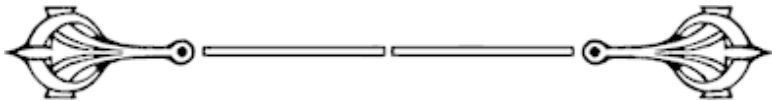
Недвижный камыш. Не трепещет осока.
Глубокая тишь. Безглагольность покоя.
Луга убегают далёко-далёко.
Во всем утомленье — глухое, немое.

Войди на закате, как в свежие волны,
В прохладную глушь деревенского сада, —
Деревья так сумрачно-странно-безмолвны,
И сердцу так грустно, и сердце не радо.

Как будто душа о желанном просила,

И сделали ей незаслуженно больно.
И сердце простило, но сердце застыло,
И плачет, и плачет, и плачет невольно.

1900

«Я – изысканность русской медлительной речи...»

Я – изысканность русской медлительной речи,
Предо мною другие поэты – предтечи,
Я впервые открыл в этой речи уклоны,
Перепевные, гневные, нежные звоны.

Я – внезапный излом,
Я – играющий гром,
Я – прозрачный ручей,
Я – для всех и ничей.

Переплеск многопенный, разорвано-слитный,
Самоцветные камни земли самобытной,
Переклички лесные зеленого мая —

Всё пойму, всё возьму, у других отнимая.

Вечно юный, как сон,
Сильный тем, что влюблен
И в себя и в других,
Я – изысканный стих.

1901

Морская душа

У нее глаза морского цвета,
И живет она как бы во сне.
От весны до окончания лета
Дух ее в нездешней стороне.

Ждет она чего-то молчаливо,
Где сильнее всего шумит прибой,
И в глазах глубоких в миг отлива
Холодеет сумрак голубой.

А когда высоко встанет буря,
Вся она застынет, внемля плеск,
И глядит как зверь, глаза прищуря,
И в глазах ее – зеленый блеск.

А когда настанет новолунье,
Вся изнемогая от тоски,
Бледная влюбленная колдунья
Расширяет черные зрачки.

И слова какого-то обета

Всё твердит, взволнованно дыша.
У нее глаза морского цвета,
У нее неверная душа.

1903

Возглас боли

Я возглас боли, я крик тоски.
Я камень, павший на дно реки.

Я тайный стебель подводных трав.
Я бледный облик речных купав.

Я легкий призрак меж двух миров.

Я сказка взоров. Я взгляд без слов.

Я знак заветный, – и лишь со мной
Ты скажешь сердцем: «Есть мир иной».

1908

Дурной сон

Мне кажется, что я не покидал России,
И что не может быть в России перемен.
И голуби в ней есть. И мудрые есть змии.
И множество волков. И ряд тюремных стен.

Грязь «Ревизора» в ней. Весь гоголевский ужас.
И Глеб Успенский жив. И всюду жив Щедрин.
Порой сверкнет пожар, внезапно обнаружась,
И снова пал к земле земли убогий сын.

Там за окном стоят. Подайте. Погорели.
У вас нежданный гость. То – голубой мундир.
Учтивый человек. Любезный в самом деле.
Из ваших дневников себе устроил пир.

И на сто верст идут неправда, тяжба, споры,
На тысячу – пошла обида и беда.
Жужжат напрасные, как мухи, разговоры.
И кровь течет не в счет. И слезы – как вода.

1913

В глухие дни

В глухие дни Бориса Годунова,
Во мгле Российской пасмурной страны,
Толпы людей скитались без крова,
И по ночам всходило две луны.

Два солнца по утрам светило с неба,
С свирепостью на дольный мир смотря.
И вопль протяжный: «Хлеба! Хлеба! Хлеба!»
Из тьмы лесов стремился до царя.

На улицах иссохшие скелеты
Щипали жадно чахлую траву,
Как скот, – озверены и неодеты,
И сны осуществлялись наяву.

Гроба, отяжелевшие от гнили,

Живым давали смрадный адский хлеб,
Во рту у мертвых сено находили,
И каждый дом был сумрачный вертеп.

От бурь и вихрей башни низвергались,
И небеса, таясь меж туч тройных,
Внезапно красным светом озарялись,
Являя битву воинств неземных.

Невиданные птицы прилетали,
Орлы парили с криком над Москвой,
На перекрестках, молча, старцы ждали,
Качая поседевшей головой.

Среди людей блуждали смерть и злоба,
Узрев комету, дрогнула земля.
И в эти дни Димитрий встал из гроба,
В Отрепьева свой дух переселя.

1917

Только

Ни радости цветистого Каира,
Где по ночам напевен муэzzин,

Ни Ява, где живет среди руин,
В Боро-Будур, Светильник Белый мира,

Ни Бенарес, где грозowego пира
Желает Индра, мча огнистый клин
Средь тучевых лазоревых долин, —
Ни все места, где пела счастью лира, —

Ни Рим, где слава дней еще жива,
Ни имена, чей самый звук — услада,
Тень Мекки, и Дамаска, и Багдада, —

Мне не поют заветные слова, —
И мне в Париже ничего не надо,
Одно лишь слово нужно мне: Москва.

15 октября 1922

Символизм

Младшие символисты

В начале 1900-х годов символистский лагерь обновился и заметно помолодел – на сцену вышла новая плеяда поэтов, которых принято называть младосимволистами: Андрей Белый (Борис Бугаев), Александр Блок, Эллис (Лев Кобылинский), Сергей Соловьев, Юргис Балтрушайтис, Михаил Кузмин, Вячеслав Иванов, Иннокентий Анненский.

Творческую платформу нового поколения сформулировал Андрей Белый в статье 1893 года «О религиозных переживаниях». Как и Дмитрий Мережковский, Белый настаивал на неизбежном слиянии искусства и религии, «соединении вершин символизма как искусства с мистикой», но с несколько иных позиций. В основе поэтического мировоззрения молодых символистов лежал, с одной стороны, культ пророка-безумца Ницше, с другой – культ Вечной Женственности, одна из центральных идей их главного вдохновителя – философа Владимира Соловьева. Вечная мистическая возлюбленная – Душа Мира воплощается у Соловьева в Софии, которая объединяет Бога с земным миром.

В символистской поэзии наиболее развернутое и возвышенное воплощение Душа Мира получила в образе Прекрасной Дамы, пронизывающем всю раннюю лирику Александра

Блока. Величаявая Вечная Жена для поэта – залог его духовного преобразования, приобщения к Софии, постижения сокровенных тайн.

В противовес старшему поколению младосимволисты видели цель творчества в преобразовании действительности и преодолении крайнего субъективизма своих предшественников, решительно пересматривали место художника в обществе. Сыграла в этом свою роль и общественно-политическая ситуация в стране: Русско-японская война и революция 1905–1907 годов. Нравственная связь с родиной становится важнейшей темой в лирике и прозе Блока, Белого, Кузмина, Анненского.

Уже на закате символизма, в 1910 году, вышла книга Эллиса «Русские символисты», в которой впервые в России была предпринята попытка всеобъемлющего анализа истоков европейского и русского символизма. Рассматривая символизм как форму жизнетворчества, выходящую за пределы искусства, Эллис видит в нем «мессианизм, глагол о новом Боге, великую религию будущего».

«Бесспорным историческим фактом, – пишет Эллис, – является процесс превращения современного символизма из новой эстетической школы, почти из проблемы стиля, – в новую, невыразимо напряженную и насыщенную художественную форму, служащую все более и более оболочкой всего современного мирозерцания, всего небывалого перелома культуры нашей эпохи».

Масштабность задач, впервые поставленных и решавшихся символистами (переосмысление наследия русской и европейской культуры, выработка нового религиозно-философского мировоззрения, стремление к синтезу искусств, установка на жизнетворчество, погружение в сферу бессознательного и т. д.) требовала разработки соответствующего поэтического языка.

В этом направлении символисты проделали огромную работу. Уделяя повышенное внимание технике стиха, они значительно расширили словарь русской поэзии, обновили строфику, ритмику и метрику (в частности, развили свободный стих). Делая акцент на многозначности и ассоциативности поэтического слова, создали сложную систему метафор. Обогатили музыкальное оснащение стиха, разработали новые виды рифмы.

Первое модернистское течение, воспринятое русской культурой, символизм помог создать литературу нового качества, значительно расширил сферу художественных форм. Влиянием модернизма, и символизма в частности, отмечено творчество таких выдающихся писателей XX века, как Борис Пастернак, Анна Ахматова, Марина Цветаева, Андрей Платонов, Владимир Набоков.

Башня Иванова (Санкт-Петербург, Таврическая улица, 35)

Андрей Белый

Андрей Белый, настоящее имя *Борис Николаевич Бугаев* (1880–1934) – русский поэт, писатель, критик, мемуарист, теоретик-литературовед, одна из ведущих фигур русского символизма и модернизма.

В юности возглавлял литературный кружок «Аргонавты», отвергавший декадентство, разрабатывал свою концепцию «истинного символизма». Выступил одним из основателей московского издательства «Мусагет», ставшего идейным центром символистов.

Создал индивидуальный жанр ритмизованной прозы, пронизанной мистикой и гротеском («Симфонии»), в поэзии постоянно экспериментировал с формой, оставаясь верным символистским мотивам. Опубликовал 12 поэтических сборников, 7 романов, 20 подборок критических статей. Итоги теоретического обоснования символизма Белый подвел в сборнике «Символизм».

Написанный в символистском ключе роман «Петербург» – признанная вершина русского символизма и модернизма, по сути, первый русский роман «потока сознания». Яркая индивидуальная манера Белого получила название «орнаментальная проза» (Виктор Шкловский). С легкой руки Белого она доминировала в советской литературе 1920-х годов. Как писал Виктор Шкловский, «вся современная рус-

ская проза носит на себе его следы». Осип Мандельштам даже призывал писателей к преодолению Белого как «вершины русской психологической прозы» и к возвращению от «плетения словес к чистому фабульному действию».

Неоценимое значение для понимания эпохи имеют мемуары Белого «На рубеже двух столетий», «Начало века» и «Между двух революций», создающие обобщенный образ времени. Как отмечал литературовед Лазарь Флейшман, «никакие другие опубликованные мемуары, касающиеся русской литературы модернизма, не могут соперничать с мемуарами Белого по богатству информации, по широте изображения литературной жизни или по тому вкладу, который сделал их автор в развитие русского символизма».

Андрей Белый

Меланхолия

М. Я. Шик

Пустеет к утру ресторан.
Атласами своими феи
Шушукают. Ревет орган.
Тарелками гремят лакеи —

Меж кабинетами. Как тень,
Брожу в дымнотекущей сети.
Уж скоро золотистый день
Ударится об окна эти,

Пересечет перстами гарь,
На зеркале блеснет алмазом...
Там: — газовый в окне фонарь
Огнистым дозирует глазом.

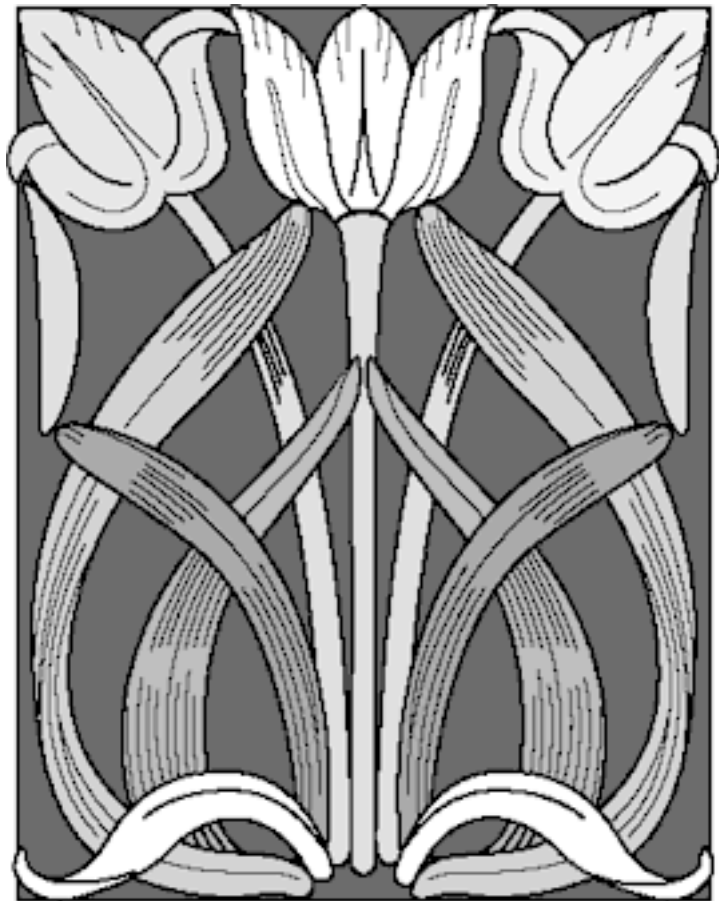
Над городом встают с земли, —
Над улицами клубы гари.
Вдали — над головой — вдали
Обрывки безответных арий.

И жил, и умирал в тоске,
Рыдание не обнаружив.
Там: – отблески на потолке
Гирляндю воздушных кружев

Протянутся. И всё на миг
Зажжется желтоватым светом.
Там – в зеркале – стоит двойник;
Там вырезанным силуэтом —

Приблизится, кивает мне,
Ломает в безысходной муке
В зеркальной, в ясной глубине
Свои протянутые руки.

1904, Москва

Демон

Из снежных тающих смерчей,
Средь серых каменных строений,
В туманный сумрак, в блеск свечей
Мой безымянный брат, мой гений

Сходил во сне и наяву,
Колблемый ночными мглами;
Он грустно осенял главу
Мне тихоструйными крылами.

Возникнувши над бегом дней,
Извечные будил сомненья
Он зыбкою игрой теней,
Улыбкою разуверенья.

Бывало: подневольный злу
Незримые будил рыданья —
Гонимые в глухую мглу
Невыразимые страданья.

Бродя, бываю, в полусне,
В тумане городском, меж зданий, —
Я видел с мукою ко мне
Его протянутые длани.

Мрачнеющие тени вежд,
Безвластные души порывы,
Атласные клоки одежд,
Их веющие в ночь извивы...

С годами в сумрак отошло,
Как вдохновенье, как безумье, —
Безрогое его чело
И строгое его раздумье.

1908

Воспоминание (Декабрь...)

Декабрь... Сугробы на дворе...
Я помню вас и ваши речи;
Я помню в снежном серебре
Стыдливо дрогнувшие плечи.

В марсельских белых кружевах
Вы замечтались у портьеры:
Кругом на низеньких софах
Почтительные кавалеры.

Лакей разносит пряный чай...
Играет кто – то на рояли...
Но бросили вы невзначай
Мне взгляд, исполненный печали.

И мягко вытянулись, – вся
Воображенье, вдохновенье, —
В моих мечтаньях воскреся
Невыразимые томленья;

И чистая меж нами связь
Под звуки гайдновских мелодий
Рождалась... Но ваш муж, косясь,
Свой бакен тербил в проходе...

Один – в потоке снеговом...
Но реет над душою бедной
Воспоминание о том,
Что пролетело так бесследно.

Сентябрь 1908, Петербург

Воспоминание (Задумчивый вид...)

Посвящается Л. Д. Блок

Задумчивый вид:
Сквозь ветви сирени
сухая известка блестит
запущенных барских строений.

Всё те же стоят у ворот
чугунные тумбы.
И нынешний год
всё так же разбитые клумбы.

На старом балкончике хмель
по ветру качается сонный,
да шмель
жужжит у колонны.

Весна.
На кресле протертом из ситца
старушка глядит из окна.
Ей молодость снится.

Всё помнит себя молодой —
как цветиком ясным, лилейным
гуляла весной
вся в белом, в кисейном.

Он шел позади,
шепча комплименты.
Пылали в груди
ее сентименты.

Садилась, стыдась,
она вон за те клавикорды.
Ей в очи, смеясь,
глядел он, счастливый и гордый.

Зарей потянуло в окно.
Вздохнула старушка:
«Всё это уж было давно!..»
Стенная кукушка,
хрипя,
кричала.
А время, грустя,
над домом бежало, бежало.

Задумчивый хмель
качался, как сонный,
да бархатный шмель
жужжал у колонны.

1903, Москва

Из окна вагона

Поезд плачется. В дали родные
Телеграфная тянется сеть.
Пролетают поля росяные.
Пролетаю в поля: умереть.

Пролетаю: так пусто, так голо...
Пролетают – вон там и вон здесь,
Пролетают – за селами села,
Пролетает – за весями весь;

И кабак, и погост, и ребенок,
Засыпающий там у грудей;
Там – убогие стаи избенок,
Там – убогие стаи людей.

Мать-Россия! Тебе мои песни,
О немая, суровая мать!
Здесь и глуше мне дай и безвестней
Непутевую жизнь отрыдать.

Поезд плачется. Дали родные.
Телеграфная тянется сеть —
Там – в пространства твои ледяные —
С буреломом осенним гудеть.

1908

Отчаянье

З. Н. Гиппиус

Довольно: не жди, не надейся —
Рассейся, мой бедный народ!
В пространство пади и разбейся
За годом мучительный год!

Века нищеты и безволя.
Позволь же, о родина-мать,
В сырое, в пустое раздолье,
В раздолье твое прорыдать:

Туда, на равнине горбатой, —
Где стая зеленых дубов
Волнуется купой подъятой
В косматый свинец облаков,

Где по полю Оторопь рыщет,
Восстав сухоруким кустом,
И в ветер пронзительно свищет
Ветвистым своим лоскутом,

Где в душу мне смотрят из ночи.
Поднявшись над сетью бугров,
Жестокие, желтые очи
Безумных твоих кабаков, —

Туда, – где смертей и болезней
Лихая прошла колея, —
Исчезни в пространстве, исчезни,
Россия, Россия моя!

Июль 1908, Серебряный Колодезь

Больница

Мне видишься опять —
Язвительная – ты...
Но – не язвительна, а холодна: забыла
Из немутительной, духовной глубины
Спокойно смотришься во всё, что прежде было.
Я, в мороках
Томясь,
Из мороков любя,
Я – надышавшийся мне подарённым светом,
Я, удушаемый, в далекую тебя, —
Впиваюсь пристально. Ты смотришь с неприветом.
О, этот долгий
Сон:
За окнами закат.
Палата номер шесть, предметов серый ворох,
Больных бессонный стон, больничный мой халат;
И ноющая боль, и мышцы юркий шорох.
Метание —

По дням,
По месяцам, годам...
Издрогы холода...
Болезни, смерти, голод...
И – бьющий ужасом в тяжелой злости там,
Визжащий в воздухе, дробящий кости молот...
Перемелькала
Жизнь.
Пустой, прохожий рой —
Исчезновением в небытие родное.
Исчезновение, глаза мои закрой
Рукой суровою, рукою ледяною.

1921

Александр Блок

Александр Александрович Блок (1880–1921) – русский поэт, драматург, публицист, переводчик, критик, один из значительнейших представителей русского символизма.

Блок стихи писал с раннего детства, в 10 лет знал, что будет поэтом. Первые же поэтические сборники «Стихи о Прекрасной Даме» и «Нечаянная радость» принесли ему широкую известность. Адресатом большинства стихотворений была его жена – Любовь Дмитриевна Менделеева, в которой Блок, равно как и поэты-символисты из его окружения, видел воплощение Вечной Женственности. Парадоксальное сочетание мистического, туманного и бытового, изображенного в деталях, стало характерной чертой всего его творчества.

С 1909 года входил в правление Общества ревнителей художественного слова («Академии стиха»), сформировавшегося вокруг Вячеслава Иванова и журнала «Аполлон». Выступал с докладами как теоретик символизма и литературный критик. Начал работать с театром. Выпустил в общей сложности 10 поэтических сборников.

Блок вырабатывал собственную систему метафор (часто сочетая лексически несовместимые слова) и стал пионером в активном использовании дольника. Как отмечал лингвист Виктор Жирмунский, с Блока начинается «решитель-

ное освобождение русского стиха от принципа счета слогов по стопам, уничтожение канонизированного Третьяковским и Ломоносовым требования метрического упорядочения числа и расположения неударных слогов в стихе. В этом смысле все новейшие русские поэты учились у Блока».

В 1916 году, будучи призван в армию, он служил в инженерных частях. Февральскую и Октябрьскую революции встретил неоднозначно, восхищаясь ими скорее как разгулом стихии. Осмыслить этот «мировой пожар» он попытался в своей самой неоднозначной поэме «Двенадцать», в которой предоставил голос улице – ее своеобразной стихийной музыке.

«...Он был весь переполнен музыкой, которая так и лилась из него через край, – написал о поэте Корней Чуковский. – Он был из тех баловней музыки, для которых творить – значило вслушиваться, которые не знают ни натуги, ни напряжения в творчестве. Не поразительно ли, что всю поэму «Двенадцать» он написал в два дня?.. Необыкновенная энергия творчества!»

После ареста в феврале 1919 года по обвинению в антисоветском заговоре иллюзий относительно советской власти у Блока не осталось. Блок замолчал, у него началась депрессия, прогрессировала болезнь сердца. Не получив вовремя разрешения на лечение за границей, Блок умер в августе 1921 года в возрасте 40 лет.

«Мы встречались с тобой на закате...»

Мы встречались с тобой на закате.
Ты веслом рассекала залив.
Я любил твоё белое платье,
Утонченность мечты разлюбив.

Были странны безмолвные встречи.
Впереди – на песчаной косе
Загорались вечерние свечи.
Кто-то думал о бледной красе.

Приближений, сближений, стораний —
Не приемлет лазурная тишь...
Мы встречались в вечернем тумане,
Где у берега рябь и камыш.

Ни тоски, ни любви, ни обиды,
Всё померкло, прошло, отошло...
Белый стан, голоса панихиды
И твоё золотое весло.

13 мая 1902

«Я медленно сходил с ума...»

Я медленно сходил с ума
У двери той, которой жажду.
Весенний день сменяла тьма
И только разжигала жажду.

Я плакал, страстью утомясь,
И стоны заглушал угрюмо.
Уже двоилась, шевелясь,
Безумная, больная дума.

И проникала в тишину
Моей души, уже безумной,
И залила мою весну
Волною черной и бесшумной.

Весенний день сменяла тьма,
Хладело сердце над могилой.
Я медленно сходил с ума,
Я думал холодно о милой.

Март 1902

«Вхожу я в темные храмы...»

Вхожу я в темные храмы,
Совершаю бедный обряд.
Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцании красных лампад.

В тени у высокой колонны
Дрожу от скрипа дверей.
А в лицо мне глядит, озаренный,
Только образ, лишь сон о Ней.

О, я привык к этим ризам
Величавой Вечной Жены!
Высоко бегут по карнизам
Улыбки, сказки и сны.

О, Святая, как ласковы свечи,
Как отрадны Твои черты!
Мне не слышны ни вздохи, ни речи,
Но я верю: Милая – Ты.

25 октября 1902

«Девушка пела в церковном хоре...»

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою.

Так пел ее голос, летящий в купол,
И луч сиял на белом плече,
И каждый из мрака смотрел и слушал,
Как белое платье пело в луче.

И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели.

И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у Царских Врат,
Причастный Тайнам, – плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.

Август 1905

Незнакомка

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

Вдали над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздается детский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины
И раздается женский визг,
А в небе, ко всему приученный
Бесмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный

В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинственной
Как я, смирен и оглушен.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
«In vino veritas!» кричат.

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.

И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.

Глухие тайны мне поручены,
Мне чье-то солнце вручено,
И все души моей излучины
Пронзило терпкое вино.

И перья страуса склоненные
В моем качаются мозгу,
И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.

В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне!
Ты право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина в вине.

24 апреля 1906, Озерки

Когда вы стоите на моем пути...

Когда вы стоите на моем пути,

Такая живая, такая красивая,
Но такая измученная,
Говорите всё о печальном,
Думаете о смерти,
Никого не любите
И презираете свою красоту —
Что же? Разве я обижу вас?

О, нет! Ведь я не насильник,
Не обманщик и не гордец,
Хотя много знаю,
Слишком много думаю с детства
И слишком занят собой.
Ведь я – сочинитель,
Человек, называющий всё по имени,
Отнимающий аромат у живого цветка.

Сколько ни говорите о печальном,
Сколько ни размышляйте о концах и началах,
Всё же, я смею думать,
Что вам только пятнадцать лет.
И потому я хотел бы,
Чтобы вы влюбились в простого человека,
Который любит землю и небо
Больше, чем рифмованные и нерифмованные
речи о земле и о небе.

Право, я буду рад за вас,
Так как – только влюбленный
Имеет право на звание человека.

6 февраля 1908

«Я помню длительные муки...»

Я помню длительные муки:
Ночь догорала за окном;
Ее заломленные руки
Чуть брезжили в луче дневном.

Вся жизнь, ненужно изжитая,
Пытала, унижала, жгла;
А там, как призрак возраста,
День обозначил купола;

И под окошком участились
Прохожих быстрые шаги;
И в серых лужах расходились
Под каплями дождя круги;

И утро длилось, длилось, длилось...

И праздный тяготил вопрос;
И ничего не разрешилось
Весенним ливнем бурных слез.

4 марта 1908

«О доблестях, о подвигах, о славе...»

О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле,
Когда твое лицо в простой оправе
Передо мной сияло на столе.

Но час настал, и ты ушла из дому.
Я бросил в ночь заветное кольцо.
Ты отдала свою судьбу другому,

И я забыл прекрасное лицо.

Летели дни, крутятся проклятым роем...
Вино и страсть терзали жизнь мою...
И вспомнил я тебя пред аналоем,
И звал тебя, как молодость свою...

Я звал тебя, но ты не оглянулась,
Я слезы лил, но ты не снизошла.
Ты в синий плащ печально завернулась,
В сырую ночь ты из дому ушла.

Не знаю, где приют твоей гордыне
Ты, милая, ты, нежная, нашла...
Я крепко сплю, мне снится плащ твой синий,
В котором ты в сырую ночь ушла...

Уж не мечтать о нежности, о славе,
Всё миновалось, молодость прошла!
Твое лицо в его простой оправе
Своей рукой убрал я со стола.

30 декабря 1908

Осенний день

Идем по жнивью, не спеша,
С тобою, друг мой скромный,
И изливается душа,
Как в сельской церкви темной.

Осенний день высок и тих,
Лишь слышно – ворон глухо
Зовет товарищей своих,
Да кашляет старуха.

Овин расстелет низкий дым,
И долго под овином
Мы взором пристальным следим
За летом журавлиным...

Летят, летят косым углом,
Вожак звенит и плачет...
О чем звенит, о чем, о чем?
Что плач осенний значит?

И низких нищих деревень

Не счесть, не смерить оком,
И светит в потемневший день
Костер в лугу далеком...

О, нищая моя страна,
Что ты для сердца значишь?
О, бедная моя жена,
О чем ты горько плачешь?

1 января 1909

«Весенний день прошел без дела...»

Весенний день прошел без дела
У неумытого окна:
Скучала за стеной и пела,
Как птица пленная, жена.

Я, не спеша, собрал бесстрастно
Воспоминанья и дела;
И стало беспощадно ясно:
Жизнь прошумела и ушла.

Еще вернутся мысли, споры,
Но будет скучно и темно;

К чему спускать на окнах шторы?
День догорел в душе давно.

Март 1909

«Как тяжело ходить среди людей...»

Там человек сгорел.
Фет

Как тяжело ходить среди людей
И притворяться непогибшим,
И об игре трагической страстей
Повествовать еще не жившим.

И, вглядываясь в свой ночной кошмар,
Строй находить в нестройном вихре чувства,
Чтобы по бледным заревам искусства
Узнали жизни гибельной пожар!

10 мая 1910

В ресторане

Никогда не забуду (он был, или не был,
Этот вечер): пожаром зари

Сожжено и раздвинуто бледное небо,
И на желтой заре – фонари.

Я сидел у окна в переполненном зале.
Где-то пели смычки о любви.
Я послал тебе черную розу в бокале
Золотого, как небо, аи.

Ты взглянула. Я встретил смущенно и дерзко
Взор надменный и отдал поклон.
Обратясь к кавалеру, намеренно резко
Ты сказала: «И этот влюблен».

И сейчас же в ответ что-то грянули струны,
Иступленно запели смычки...
Но была ты со мной всем презрением юным,
Чуть заметным дрожаньем руки...

Ты рванулась движеньем испуганной птицы,
Ты прошла, словно сон мой легка...
И вздохнули духи, задремали ресницы,
Зашептались тревожно шелка.

Но из глубы зеркал ты мне взоры бросала

И, бросая, кричала: «Лови!...»
А монисто бренчало, цыганка плясала
И визжала заре о любви.

19 апреля 1910

На железной дороге

Марии Павловне Ивановой

Под насыпью, во рву некошенном,
Лежит и смотрит, как живая,
В цветном платке, на косы брошенном,
Красивая и молодая.

Бывало, шла походкой чинною
На шум и свист за ближним лесом.
Всю обойдя платформу длинную,
Ждала, волнуясь, под навесом.

Три ярких глаза набегающих —
Нежней румянец, круче локон:
Быть может, кто из проезжающих
Посмотрит пристальной из окон...

Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели;
Молчали желтые и синие;
В зеленых плакали и пели.

Вставали сонные за стеклами
И обводили ровным взглядом
Платформу, сад с кустами блеклыми,
Ее, жандарма с нею рядом...

Лишь раз гусар, рукой небрежною
Облокотясь на бархат алый,
Скользнул по ней улыбкой нежною,
Скользнул – и поезд в даль умчалю.

Так мчалась юность бесполезная,
В пустых мечтах изнемогая...
Тоска дорожная, железная
Свистела, сердце разрывая...

Да что – давно уж сердце вынуто!
Так много отдано поклонов,
Так много жадных взоров кинуто
В пустынные глаза вагонов...

Не подходите к ней с вопросами,
Вам всё равно, а ей – довольно:
Любовью, грязью иль колесами
Она раздавлена – всё больно.

14 июня 1910

Ночь, улица, фонарь, аптека...

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века —
Всё будет так. Исхода нет.

Умрешь — начнешь опять сначала
И повторится всё, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

10 октября 1912

Анне Ахматовой

«Красота страшна» – Вам скажут, —
Вы накинете лениво
Шаль испанскую на плечи,
Красный розан – в волосах.

«Красота проста» – Вам скажут, —
Пестрой шалью неумело
Вы укроете ребенка,

Красный розан – на полу.

Но, рассеянно внимая
Всем словам, кругом звучащим,
Вы задумаетесь грустно
И твердите про себя:

«Не страшна и не проста я;
Я не так страшна, чтоб просто
Убивать; не так проста я,
Чтоб не знать, как жизнь страшна».

16 декабря 1913

«О, я хочу безумно жить...»

О, я хочу безумно жить:
Всё сущее – увековечить,
Безличное – вочеловечить,
Несбывшееся – воплотить!

Пусть душит жизни сон тяжелый,
Пусть задыхаюсь в этом сне, —
Быть может, юноша веселый
В грядущем скажет обо мне:

Простим угрюмство – разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь – дитя добра и света,
Он весь – свободы торжество!

5 февраля 1914

«Я – Гамлет. Холодеет кровь...»

Я – Гамлет. Холодеет кровь,
Когда плетет коварство сети,
И в сердце – первая любовь
Жива – к единственной на свете.

Тебя, Офелию мою,
Увел далёко жизни холод,
И гибну, принц, в родном краю
Клинком отравленным заколот.

6 февраля 1914

«Рожденные в года глухие...»

З. Н. Гиппиус

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы – дети страшных лет России —
Забывать не в силах ничего.

Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы —
Кровавый отсвет в лицах есть.

Есть немота – то гул набата
Заставил заградить уста.
В сердцах, восторженных когда-то,
Есть роковая пустота.

И пусть над нашим смертным ложем
Взовьется с криком воронье, —
Те, кто достойней, Боже, Боже,
Да узрят царствие твое!

8 сентября 1914

«На улице – дождик и слякоть...»

На улице – дождик и слякоть,
Не знаешь, о чем горевать.
И скучно, и хочется плакать,
И некуда силы девать.

Глухая тоска без причины
И дум неотвязный угар.
Давай-ка, наколем лучины,
Раздуем себе самовар!

Авось, хоть за чайным похмельем
Ворчливые речи мои
Затеплят случайным весельем
Сонливые очи твои.

За верность старинному чину!
За то, чтобы жить не спеша!
Авось, и распарит кручину
Хлебнувшая чаю душа!

10 декабря 1915

Эллис

Эллис, настоящее имя *Лев Львович Кобылинский* (1879–1947) – русский поэт, теоретик символизма, переводчик, историк литературы, христианский философ. Формируясь под влиянием Соловьева, Брюсова, Бальмонта, в начале 1900-х стал одним из активнейших деятелей символизма, считая его высшей формой творчества.

Сблизившись с Андреем Белым, Эллис участвовал в создании и работе поэтического кружка молодых символистов «Аргонавты», стоял у истоков московского издательства символистов «Мусагет». Разрабатывал теорию символизма, его книга «Русские символисты» (1910) – первая в России попытка показать философские и эстетические истоки европейского и русского символизма. Для Эллиса символизм – это житнетворчество, выходящее за пределы искусства, это «мессианизм, глагол о новом Боге, великая религия будущего».

Страстный поклонник французского символизма, и в особенности Шарля Бодлера, Эллис стал одним из лучших его переводчиков на русский язык. Он стремился и внешне подражать этому французскому денди – экстравагантные костюмы и парадоксальный ум Эллиса неизменно приковывали к нему внимание. «Эллис незабываем и неповторим, – писал в книге „Два года с символистами“ Н. В. Валентинов. – Этот

странный человек, <...> превращавший ночь в день, день – в ночь, живший в комнате всегда тёмной, с опущенными шторами и свечами перед портретом Бодлера, а потом бюстом Данте, обладал темпераментом бешеного агитатора, создавал необычайные мифы, вымыслы, был творцом всяких пародий и изумительным мимом».

Начиная с 1910-х годов Эллис жил преимущественно в Швейцарии, увлекался антропософией, писал литературно-философские труды. Умер в 1947 году.

В рай

М. Цветаевой

На диван уселись дети,
ночь и стужа за окном,
и над ними, на портрете
мама спит последним сном.

Полумрак, но вдруг сквозь щелку
луч за дверью проблестел,
словно зажигают елку,
или Ангел пролетел.

«Ну, куда же мы поедем?
Перед нами сто дорог,
и к каким еще соседям
нас помчит Единорог?»

Что же снова мы затеем,
ночь чему мы посвятим:
к великанам иль пигмеям,

как бывало, полетим,

иль опять в стране фарфора
мы втроем очнемся вдруг,
иль добудем очень скоро
мы орех Каракатук?

Или с хохотом взовьемся
на воздушном корабле,
и оттуда посмеемся
надо всем, что на земле?

Иль в саду у Великана
меж гигантских мотыльков
мы услышим у фонтана
хор детей и плач цветов?»

Но устало смотрят глазки,
щечки вялы и бледны,
«Ах, рассказаны все сказки!
Ах, разгаданы все сны!

Ах, куда б в ночном тумане
ни умчал Единорог,

вновь на папином диване
мы проснемся в должный срок.

Ты скажи Единорогу
и построже, Чародей,
чтоб направил он дорогу
в Рай, подальше от людей!

В милый Рай, где ни пылинки
в ясных, солнечных перстах,
в детских глазках ни слезинки,
и ни тучки в небесах!

В Рай, где Ангелы да дети,
где у всех одна хвала,
чтобы мама на портрете,
улыбаясь, ожила!»

Загадка

Я – колокол, протяжный и зовущий,
Неумолкаемо звенящий с высоты,
Я – ураган, повсюду смерть несущий,
Я – Божий гром, я – водопад ревущий,

Дробящийся в сияньи красоты...
Как колокол, я Бога прославляю,
Как ураган я страшен и могуч,
Мой смех звучит, как гром под сонмом туч,
как водопад, ловя дрожащий луч,
его со смехом в бездну я бросаю.

Тень

Еще сверкал твой зоркий глаз,
и разрывалась грудь на части,
но вот над нами Сладострастье
прокаркало в последний раз.

От ложа купли и позора
я оторвал уста и взгляд,
над нами видимо для взора,
струясь, зашевелился яд.

И там, где с дрожью смутно-зыбкой
на тени лезли тени, там
портрет с язвительной улыбкой
цинично обратился к нам.

И стали тихи и серьезны
вдруг помертвевшие черты,
и на окне узор морозный,
и эти розы из тафты.

Мой вздох, что был бесстыдно начат,

тобою не был довершен,
и мнилось, кто-то тихо плачет,
под грязным ложем погребен.

И вдруг среди тиши гробовой,
стыдась, угаснула лампада,
и вечный сумрак, сумрак ада
приблизил к нам лик черный свой.

Я звал последнюю ступень,
и сердце мертвым сном заснуло,
но вдруг, мелькнув во сне, всплеснула
и зарыдала и прильнула
Ее воскреснувшая Тень.

Предсуществование

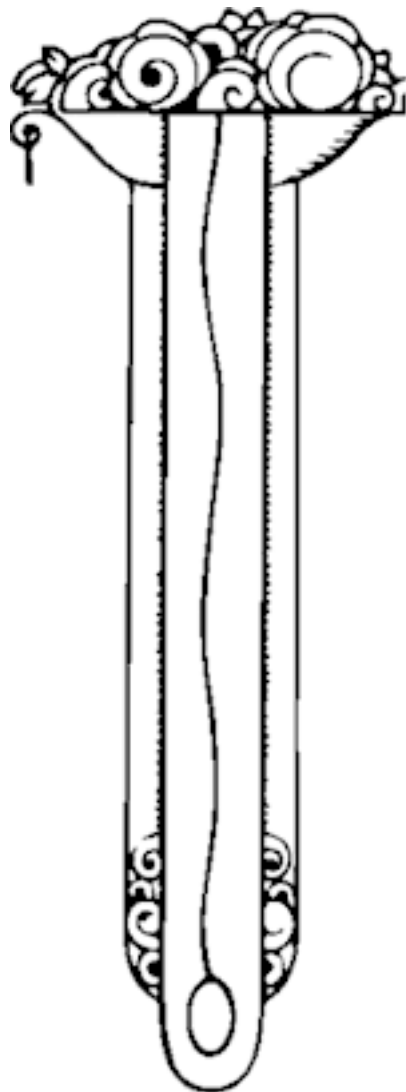
И всё мне кажется, что здесь я был когда-то,
когда и как, увы, не знаю сам!..
Мне всё знакомо здесь, и сладость аромата,
и травка у дверей, и звук, что где-то там
вдыхает горестно, и тихий луч заката, —
и всё мне кажется, что здесь я был когда-то!..

И всё мне кажется, что ты была моею,
когда и как, увы, не знаю сам!..

Одно движение уст, и весь я пламенею,
лишь упадет вуаль, и вдруг моим очам
случится увидеть блистающую шею...

И всё мне кажется, что ты была моею!..

И всё мне кажется, что это прежде было,
что времени полет вернет нам вновь и вновь
всё, всё, что Смерть рукой нещадною разбила,
надежду робкую, страданье и любовь,
чтоб радость день и ночь в одно сиянье слила,
и всё мне кажется, что это прежде было!..

Женщина с веером

(Картина Пикассо)

Свершен обряд заупокойный,
и трижды проклята она,
она торжественно-спокойна,
она во всём себе верна!

Весь чин суровый отречения
она прослушала без слез,
хоть утолить ее мученья
не властны Роза и Христос...

Да! трижды тихо и упорно
ты вызов неба приняла,
и встала, кинув конус черный,
как женщина и башня зла.

Тебе твое паденье свято,
желанна лишь твоя стезя;
ты, если пала, без возврата,
и, если отдалась, то вся.

Одно: в аду или на небе?
Одно: альков или клобук?
Верховный или низший жребий?
Последний или первый круг?

Одно: весь грех иль подвиг целый?
вся Истина или вся Ложь?
Ты не пылаешь Розой Белой,
Ты Черной Розою цветешь.

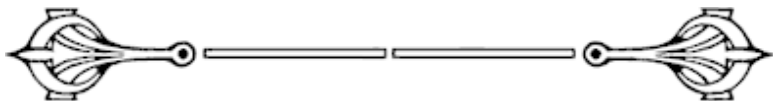
Меж звезд, звездою б ты сияла,
но здесь, где изменяют сны,
ты, вечно-женственная, стала
наложницею Сатаны.

И вот, как черные ступени,
сердца влекущие в жерло,
геометрические тени
упали на твое чело.

Вот почему твой взор не может
нам в душу вечно не смотреть,
хоть этот веер не поможет
в тот час, как будем все гореть.

Глаза и губы ты сомкнула,
потупила тигриный взгляд,
но, если б на закат взглянула,
остановился бы закат.

И если б, сфинкса лаской муча,
его коснулась ты рукой,
как кошка, жмурясь и мяуча,
он вдруг пополз бы за тобой.

Михаил Кузмин

Михаил Александрович Кузмин (1872–1936) – русский поэт и прозаик, переводчик, композитор, критик и публицист. В литературе дебютировал поздно – в 36 лет, начав одновременно печатать стихи и прозу в символистском журнале «Весы». Автор многочисленных романсов и трех опер. После революции остался в России, участвовал как переводчик в работе издательства «Всемирная литература», стихи и проза Кузмина в СССР больше не издавались.

Его творчество отличалось невероятной широтой тем – от гностических и оккультных сюжетов и исторической тематики до «балаганного» эстетства и сентиментальной эротики (будучи гомосексуалистом, он впервые в русской литературе сочувственно изобразил связь между мужчинами, впрочем, вполне целомудренно), а также мастерством стилизации, раскованностью и гибкостью формы. Одним из первых в русской поэзии Кузмин начал разрабатывать свободный стих, часто перекладывал свои произведения на музыку и выступал с мелодекламациями.

Сохраняя творческую независимость, Кузмин периодически примыкал к разным творческим группам – вращался в театральных кругах, был близок с художниками группы «Мир искусства».

Михаил Кузмин

Будучи, по выражению Георгия Адамовича, «плоть от плоти литературно-богемного Петербурга», ни с одним из поэтических течений он тем не менее не был формально связан. Но воспринимая искусство как средство духовного познания мира и не прекращая духовных, религиозных поисков, в своем поэтическом творчестве Кузмин был ближе всего к младосимволистам.

В то же время его поэзия, отличавшаяся повышенным вниманием к деталям, во многом вдохновила акмеистов, считавших его одним из своих учителей и опиравшихся на его программную статью «О прекрасной ясности» (1910). Его творчество снимало непримиримое противоречие между символизмом и акмеизмом.

«Меня влекут чудесные сказанья...»

Меня влекут чудесные сказанья,
Народный шум на старых площадях,
Ряд кораблей на дремлющих морях
И блеск парчи в изгибах одеянья.

Неясные и странные желанья...
Учитель сторбленный, весь в седилах,
И рядом – отрок с тайною в глазах...

В тени соборов дремлют изваянья...

В каналах узких отблески огней,
Звук лютни, пенье, смех под черной маской,
Стук шпаг, повсюду кровь... свет фонарей...

Ряд дам, мечтающих над старой сказкой...
Глаза глядят внимательно и нежно,
А сердце бьется смутно и мятежно.

1903

«Если б я был древним полководцем...»

Если б я был древним полководцем,
покорил бы я Ефиопию и персов,
свергнул бы я фараона,
построил бы себе пирамиду
выше Хеопса,
и стал бы
славнее всех живущих в Египте!

Если б я был ловким вором,
обокрал бы я гробницу Менкаура,
продал бы камни александрийским евреям,
накупил бы земель и мельниц,
и стал бы
богаче всех живущих в Египте.

Если б я был вторым Антиноем,
утопившимся в священном Ниле, —
я бы всех сводил с ума красотою,
при жизни мне были б воздвигнуты храмы,
и стал бы
сильнее всех живущих в Египте.

Если б я был мудрецом великим,
прожил бы я все свои деньги,
отказался бы от мест и занятий,
сторожил бы чужие огороды —

и стал бы
свободней всех живущих в Египте.

Если б я был твоим рабом последним,
сидел бы я в подземельи
и видел бы раз в год или два года
золотой узор твоих сандалий,
когда ты случайно мимо темниц проходишь,
и стал бы
счастливей всех живущих в Египте.

1906

«Когда утром выхожу из дома...»

Когда утром выхожу из дома,
я думаю, глядя на солнце:
«Как оно на тебя похоже,
когда ты купаешься в речке
или смотришь на дальние огороды!»
И когда смотрю я в полдень жаркий
на то же жгучее солнце,
я думаю про тебя, моя радость:
«Как оно на тебя похоже,
когда ты едешь по улице людной!»
И при взгляде на нежные закаты
ты же мне на память приходишь,

когда, побледнев от ласк, ты засыпаешь
и закрываешь потемневшие веки.

1907

«В проходной сидеть на диване...»

В проходной сидеть на диване,
Близко, рядом, плечо с плечом,
Не думая об обмане,
Не жалея ни о чем.

Говорить Вам пустые речи,
Слушать веселые слова,
Условиться о новой встрече
(Каждая встреча всегда нова!).

О чем-то молчим мы, и что-то знаем,
Мы собираемся в странный путь.
Не печально, не весело, не гадаем, —
Покуда здесь ты, со мной побудь.

1907

На вечере

Вы и я, и толстая дама,
Тихонько затворивши двери,
Удалились от общего гама.

Я играл Вам свои «Куранты»,
Поминутно скрипели двери,
Приходили модницы и франты.

Я понял Ваших глаз намеки,
И мы вместе вышли за двери,
И все нам вдруг стали далеки.

У рояля толстая дама осталась,
Франты стадом толпились у двери,
Тонкая модница громко смеялась.

Мы взошли по лестнице темной,
Отворили знакомые двери,
Ваша улыбка стала более томной.

Занавесились любовью очи,
Уже другие мы заперли двери...
Если б чаще бывали такие ночи!

1907

«О, быть покинутым – какое счастье...»

О, быть покинутым – какое счастье!
Какой безмерный в прошлом виден свет
Так после лета – зимнее ненастье:
Всё помнишь солнце, хоть его уж нет.

Сухой цветок, любовных писем связка,
Улыбка глаз, счастливых встречи две, —
Пусть теперь в пути темно и вязко,
Но ты весной бродил по мураве.

Ах, есть другой урок для сладострастья,
Иной есть путь – пустынен и широк.
О, быть покинутым – такое счастье!
Быть нелюбимым – вот горчайший рок.

Сентябрь 1907

«Разве можно дышать, не дыша...»

Разве можно дышать, не дыша,

Разве можно ходить, не вставая,
Разве можно любить, коль другая
Не ответит влюбленно душа?

Ах, без солнца бессолнечен день,
Холодны водопадные реки,
И с трудом поднимаются веки,
Если голову ломит мигрень.

Разве странно, что, только любя,
Я дышу, и пишу, и мечтаю,
Что нигде я покоя не знаю,
Проведя полчаса без тебя?

1913

«Разбукетилось небо к вечеру...»

Разбукетилось небо к вечеру,
Замерзло окно...
Не надо весеннего ветра,
Мне и так хорошо.

Может быть, всё разрушилось,
Не будет никогда ничего...

Треск фитиля слушай,
Еще не темно...

Не навеки душа замуравлена —
Разве зима – смерть?
Алым ударит в ставни
Страстной четверг!

1917

Эпилог

Что делать с вами, милые стихи?
Кончаетесь, едва начавшись.
Счастливы все: невесты, женихи,
Покойник мертв, скончавшись.

В романах строгих ясны все слова,
В конце – большая точка;
Известно – кто Арман, и кто вдова,
И чья Элиза дочка.

Но в легком беге повести моей
Нет стройности намека,
Над пропастью летит она вольней

Газели скока.

Слез не заметит на моем лице
Читатель-плакса,
Судьбой не точка ставится в конце,
А только клякса.

Ноябрь 1906

«Утраченного чародейства...»

Утраченного чародейства
Веселым ветрам не вернуть!
А хочется Адмиралтейству
Пронзить лазоревую муть.

Притворно Невской перспективы
Зовет широкий коридор,
Но кажется жестоко лживым
Былого счастья обзор.

Я знаю, будет всё, как было,
Как в старину, как прошлый год;
Кому семнадцать лет пробило,
Тому осьмнадцатый пойдёт.

Настанет лето, будет душно,
Летает детское серсо,
Но механично и бездушно
Природы косной колесо.

За ивовым гоняйся пухом,
Глядись, хоть день, в речную тишь,
Но вольным и влюбленным духом
Свои мечты не оживишь.

Все схемы – скаредны и тощи,
Освободимся ль от оков,
Окостенеем ли, как мощи,

На удивление веков?

И вскроют, словно весть о чуде,
Нетленной жизни нашей клеть,
Сказав: «Как странно жили люди:
Могли любить, мечтать и петь!»

1921

«Мне не горьки нужда и плен...»

Мне не горьки нужда и плен,
И разрушение, и голод,
Но в душу проникает холод,
Сладелой струйкой вьется тлен.
Что значат «хлеб», «вода», «дрова» —
Мы поняли, и будто знаем,
Но с каждым часом забываем
Другие, лучшие слова.
Лежим, как жалостный помет,
На вытоптанном, голом поле
И будем так лежать, доколе
Господь души в нас не вдохнет.

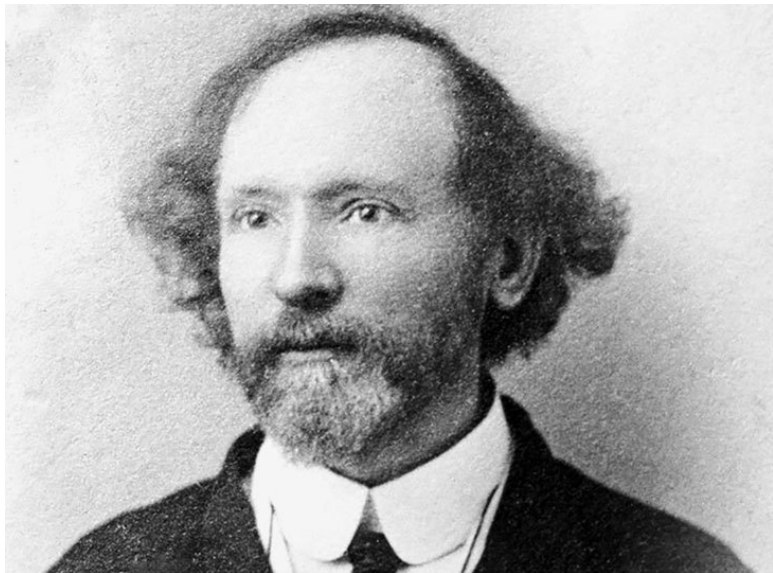
Май 1921

Вячеслав Иванов

Вячеслав Иванович Иванов (1866–1949) – русский поэт, теоретик младосимволизма, филолог, переводчик, драматург, эссеист, литературный критик, философ, культуролог. Автор 10 поэтических сборников и 6 сборников статей.

Как поэт дебютировал в печати в 32 года, уже защитив диссертацию (о налогах в Римской империи). Знаменитая «Башня» Вячеслава Иванова (Ивановские среды) – литературно-философские собрания, проходившие на квартире Иванова и собиравшие петербургскую культурную элиту, стали одним из центров русского символизма. «Почти вся наша молодая тогда поэзия, если не „вышла“ из Ивановской „башни“, то прошла через неё», – вспоминал Сергей Маковский.

Вячеслав Иванов

Продолжением «Ивановских сред» стало литературное объединение Общество ревнителей художественного слова (оно же – «Академия стиха»), сформированное при журнале «Аполлон». Как идеолог дионисийства, в основу своего «мифа» Иванов положил темы воскрешения, возрождения после смерти, мистической любви, одолевающей гибель, – противостоя пессимизму старших символистов.

Революцию Иванов не принял, в 1924 году выехал в Италию. Занимался научной и преподавательской работой.

Умер в Риме в 1949 году.

Дмитрий Святополк-Мирский так охарактеризовал само-
бытный поэтический стиль Иванова: «К его стиху подходят
эпитеты „византийский“ и „александрийский“: они полны
прошлыми веками, пропитаны учёностью и самосознанием.
В русской поэзии это самое большое приближение к созна-
тельному и обдуманному мильтоновскому блеску. Каждый
образ, каждое слово, каждый звук, каждая каденция – это
часть великолепно спланированного целого. Всё тщательно
взвешено и обдуманно отобрано для наибольшего эффекта.
Язык архаичен, к тому же Иванов любит вводить греческую
лексику. Это великая традиция церковнославянского языка,
усиливающая величественность стихов».

Анахронизм

М. Кузмину

В румяна ль, мушки и дендизм,
В поддевку ль нашего покроя,
Певец и сверстник Антиноя,
Ты рядишь свой анахронизм, —

Старообрядческих кафизм
Чтецом стоя пред аналоем

Иль Дафнисам кадя и Хлоям,
Ты всё – живой анахронизм.

В тебе люблю, сквозь грани призм,
Александрийца и француза
Времен классических, чья муза —
Двухвековой анахронизм.

За твой единый галлицизм
Я дам своих славизмов десять;
И моде всей не перевесить
Твой родовой анахронизм.

1906

Пригвожденные

Людских судеб коловорот
В мой берег бьет неутомимо:
Тоскует каждый, и зовет,
И – алчущий – проходит мимо.

И снова к отмели родной,

О старой памятуя встрече,
Спешит – увы, уже иной!
А тот, кто был, пропал далече...

Возврат – утрата!.. Но грустней
Недвижность доли роковая,
Как накупь пены снеговая,
Всё та ж – у черных тех камней.

В круговращениях обыдённых,
Ты скажешь, что прошла насквозь
Чрез участь этих пригвожденных

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.